

Владимир Михайлов

Живи, пока можешь

«Автор»

2007

Михайлов В. Д.

Живи, пока можешь / В. Д. Михайлов — «Автор», 2007

Планета Редан экспортирует особый товар. Потребность в нём есть всегда, он быстро расходуется и стоит больших денег. Это – универсальные, всесторонне подготовленные солдаты экстра-класса...

© Михайлов В. Д., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	38
Глава 15. Темнота скрывает?	44
Глава 16	47
Глава 17	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Владимир Михайлов

Живи, пока можешь

Глава 1

Чурбакам нечего делать в вольной охоте

«Советую: если противник зашел вам в спину, а прикрывающий уже выбит из боя, сделайте вид, что спасаетесь бегством, и всю лепите из радионов задней полусферы. Результаты будут, скорее всего, нулевые, но этого не смущайтесь. Пусть смущается противник. А как только он пустится вдогонку, выжимая из своего „клюва-двойки“ или даже „тройки“ все, на что его движки способны при полном форсаже, – примените кувырок-два вокруг поперечной оси, и в тот миг, когда ваша и его продольные оси совпадут, – швырните в его тупое рыло залп из всего фронтального оружия. Если даже прямого поражения не будет, вы, во всяком случае, ослепите его координирующую систему. Пусть всего на секунду-две; но именно эти две секунды и дадут вам возможность не только уцелеть, но и обратной радугой выйти противнику под его брюхо – и уж тут спасти его сможет только ваше ротозейство и неумелость. Если вы – неумелый ротозей, то он разделается с вами, как птичка с зернышком, – и поделом: чурбакам нечего делать в Вольной Охоте, вам – если вы таковы – найдется место лишь в последней трети Щита Отечества, где вы будете мостить дороги, взрывать скалы, строить новые поселки и сшибать мелочь у пивных. Все. А сейчас – проверим, как у вас обстоит дело с усвоением моих рекомендаций, вы, бесхвостые тритоны, крапчатые попугаи! Слушай мою команду: все по местам! Первая группа – взлет!»

У Река Телана, кандидат-угла первой строки (единственного в группе-2, кто подошел к выпуску с такой характеристикой), сейчас не было, конечно, времени дословно вспоминать все наставления инструктора, охотника экстра-класса, ветерана Сомона Пула. Но суть их, наверное, даже не в голове сохранялась, а в крови. Противник и в самом деле нарисовался за спиной Река, так что у него даже лопатки вспотели от страшного ощущения: вот сейчас он мне влепит! И прощай первая строка, прощай вообще все на свете...

«Дерьмо, а не прикрывающий, – промелькнуло где-то в затылке. – Это ведь его, прикрывающего, обязанность – беречь мою задницу как зеницу ока, в ней, заднице, сейчас и заключался весь смысл его ничтожной жизни. А он вместо этого позволил себе ввязаться в боевой контакт с прикрывающим противника, и тот, похоже, ловкач-парень, элегантным боковым маневром, скольжением по дуге, центром которой и являлся мой лопух, вышел на позицию „сверху – сзади“, чуть повернул – и пока мой придурок отыскивал его на экране, словно оброненный пятак, влепил ему из всех четырех фронтальных деструкторов и, можно считать, превратил в горсть космической пыли. Интересно, где группа-1 отыскала такого оруженосца? А что до моего – нет, такой прикрывающий мне и с доплатой не нужен, его коленом в копчик – и кубарем из Вольной Охоты. Надо срочно искать другого. А сейчас...»

Сейчас было самое время следовать добрым советам ветерана.

«Дали форсаж. Но не на всю шкалу, а так – на три четверти. Как бы в стремлении оторваться от преследователя. Клонет или нет? Если бы противником был Вин Сит, такой же кандидат-угол, и тоже первая строка – но в другой, первой группе, то он на это наверняка не купился бы. Что бы он сделал? А ты сам что? Я, будь я догоняющим, применил бы совсем другой финт: швырнул гравиторпеду с дистанционной установкой. Он, конечно, ее вовремя заметил бы и отвернул, пропуская: пускай, мол, летит себе подобра-поздорову. Но у ГТ на

сей раз совсем другая цель: она, согласно полученной команде, сработает, обогнав его, – и на короткое, едва уловимое время воздвигнет на пути убегающего такой гравитузел, в который он врежется, как тележка в столб. И – вечная память. Да, Вин, вернее всего, тоже придумал бы что-то такое. Но он на сегодня получил увольнение от занятий – по важной причине. Знаю я эту причину. Рад я? Не знаю... не очень, пожалуй. Но, в конце концов, не мне решать. Весиль уже совершеннолетняя, имеет право и обязанность. Ладно, это потом. Да, против меня не Вин. А этот – клюнул. Ох, с каким азартом прется! И рука его наверняка уже легла на замыкатель, чтобы смешать меня с навозом. Ну, ладно, дурачок...

Все по доброму совету. Кувырок-два, «Обратная радуга», головокружение на миг. Машина (такой же «клюв», как и у соперника) продолжает убегать, но уже кормой вперед. А весь ее фронтальный набор: и радионы, и деструкторы, и магники – оказался вдруг обращенным к противнику. Для того совершенно неожиданно. И тот еще только решает, что же ему сейчас предпринять – сделать уклонение или выбросить защитное поле, а Рек Телан уже врубил «полную деструкцию».

Результат последовал немедленно:

«Охотник группы-один, вы подверглись прицельной атаке противника и уничтожены. Выходите из операции».

Вот так-то. Можно себе представить, что сейчас думает уничтоженный и что произносит – отключив предварительно связь с экзаменаторами.

Разные густые слова там клубятся. Потому что у него в результате – незачет. Потеря привилегий. И дополнительные тренировки по тактике и обманным маневрам. Так ему и надо.

Эй, эй, а ты-то куда?!

Трудно поверить, но оруженосец той стороны, роланд, то есть прикрывающий, теперь, оставшись без ведущего, решил сам продолжить бой. И, хотите верьте, хотите нет, сам выходит, вернее – пытается выйти на меня в атаку!

Мальчик, ты плохо подумал. Или азарт тебя захлестнул. Вскружил голову. У тебя ведь совсем другой кораблик, не «клюв», а всего лишь «коготь», да и тот – единичка. С твоими-то радионами, без единого деструктора, демонстрировать атаку? Смеху подобно.

А хотя... что-то в этом его замысле есть. Похоже, забавная смесь тактики с психологией. Рассчитывает, что я всерьез к нему не отнесусь, захочу просто отмахнуться и обойтись всего лишь блоком ракет. Думает, что я забыл, что прикрывающие вооружены, между прочим, и системой «Отбив». Я по нему – четырьмя ракетами, а он – «отбивом» заставляет их развернуться и ухватить в прицелы уже меня, а не его. Неплохо, малец, подаешь надежды. Со временем и в охотники выйдешь. А пока, чтобы привести тебя в чувство – дадим единственный, но не слабый импульс, чтобы от всей твоей троники пошел густой дым и лишился ты и зрения, и слуха, и движения, стал бы всего лишь болванкой, болтающейся в пространстве... На, получай.

«Прикрывающий группы-один, вы подверглись атаке позитронного луча и выведены из строя. Выходите из операции. Охотник группы-два, поздравляем с успехом. Вы сдали экзамен по разделу „Поединок в Нормали“. Выходите из операции».

Вот и все. Облегченно вздохнуть, перевести дыхание. Сдано. А это значит, что ты фактически уже не кандидат, а полноправный угол. И даже не исключено, что – черный. Благодарю тебя, Главком Вселенной!

Рек чуть было не вылез из кресла перед панелью имитатора, на котором и разыгрывался экзаменационный бой. Но вовремя спохватился: сейчас он был на грани провала. Вот так и сгорают люди – когда считают, что все уже сделано и они добились того, чего желали. Подсознание выручило.

Сначала надо вывести из работы имитатор. Обнулить все приборы. Убедиться в том, что введенные по ходу игры программы закрыты, память свободна. Включить контроль – чтобы убедиться, что система в полном порядке и готова к отключению. Затем – нажать «Отключ.». И

только после этого можно, наконец, встать с кресла, повлажневшего от пролитого пота, сладко потянуться и доложить:

«Выпускник Рек Телан операцию закончил».

И выйти на воздух, свежий, без озона и запаха пластиков.

Глава 2

Производственный центр ЦОС-18, мир Редан

Выйти – и идти, не спеша, глубоко и размеренно вдыхая воздух, почти совершенно чистый – если не считать неизбежных привкусов от сожженных взрывчатых веществ, сгоревшего моторного топлива, характерный и трудно определимый – от работы антигравов, и вовсе уже вроде бы неуловимый, но безусловно присутствующий – курсантского пота, пролитого тут немерено и проливающегося ежедневно и ежечасно, днем и ночью, с редкими перерывами по вольным дням.

Идти вдоль ровно выстроившихся казарм, миновать короткий квартал офицерских домов, за которыми от улицы отходит переулок, застроенный простенькими стандартными домиками младшего офицерского состава и приравненных к ним лиц. Можно свернуть туда и через три минуты с секундами подойти к своему жилищу. Удивительно? Рек ведь вот только что получил право именоваться младшим офицером в звании «угла», а в доме этом живет уже давно. Но он – «приравненное лицо». Потому что является старшим семьи. Отец, медиал десанта, к сожалению, погиб четыре года тому назад где-то в Змееносце, воюя за Антар, мать пережила его ненадолго. Судьба, для Редана не самая редкая. Погибли, не успев выполнить закон этого мира о четырех детях; четвертого мать как раз вынашивала. В семье, кроме Река, осталось еще двое: брат Зор, ему сейчас шестнадцать, и он – кадет выпускного класса основной ступени подготовки. Будущий воин. Это в мире Редан само собой разумеется. И сестра, Весиль. Восемнадцати лет. Наверное, ее следовало бы назвать второй. Но на деле она всегда – третья. И для Река, и для его брата, да и вообще – для большинства людей, населяющих ЦОС-18, да и любой другой ЦОС на Редане.

Почему? Да потому что она, как и любая женщина в этом мире, обижена судьбой: она не может, и никогда не сможет, по здешним законам, стать солдатом. Воином. Стопроцентным человеком.

Именно так. Любой мужчина на Редане скажет вам: человек – значит воин. Все равно: нынешний, будущий или прошлый. Остальные же – нет. Они, конечно, тоже люди, но до полной настоящести им кое-чего не хватает. Они никогда не стояли в строю, не ощущали тяжести оружия на своих плечах и – главное – не готовились убивать и быть убитыми. Поэтому их жизнь пресна, в ней не хватает щепотки соли и другой – едучего перца. Он горек, но без него быстро становится скучно, перестаешь понимать: а чего ради ты вообще живешь? И главное: у них нет подлинного представления о чести. Оно давно уже ими утеряно. И сохранилось только у военных. Военные не жульничают. Не воруют. Не используют других в своих шкурных интересах. Недаром воинское приветствие состоит из двух слов: «Честь и слава»!

Таков Редан, да...

Но на этот раз Рек Телан не стал сворачивать в свой переулок. И прошел мимо, испытывая не очень приятное чувство.

Потому что появившись он сейчас дома – и встретился бы с сестрой. И не с ней одной, но еще и с Вином Ситом.

И на ее лице было бы, наверное, написано некоторое смущение и одновременно выражение вызова: «Я – полноправная гражданка и могу поступать так, как хочу, не нарушая закона. Я согласилась лечь с Вином в постель, а не просить другого. Почему – это уж мое дело. Захотела – и все. И не смотри на меня такими глазами!»

Нет, Рек и не стал бы глядеть какими-то «такими» глазами. Он давно понимал, что от этого не уйти. Нет у Весили другой судьбы, как стать солдатской женщиной, жить и рожать

будущих солдат. Такова жизнь. Рожать солдат – почетно, да. Без них Редан не мог бы существовать. Но Рек прошел мимо просто потому, что сейчас вообще не хотел видеть сестру.

Теперь он шел уже по производственной части ЦОСа. Здесь длинные учебные корпуса перемежались учебными же полями, системами, комплексами. Особняком возвышалось странное, как бы двугорбое здание местных представительств: Государственной Лизинговой комиссии Редана (правый горб) и Учебно-строевого командата (левый). Сюда-то, в левый горб, Реку и нужно было зайти именно сейчас, после триумфальной сдачи. И чтобы получить свидетельство об успешном выпуске и знаки различия для нового звания. И сейчас это казалось едва ли не более важным, чем черные углы на грудь и рукава – получить лицензию на Посев.

Он вошел, отсалютовал Знамени, ответил на приветствия дневального и дежурного и беспрепятственно проследовал в нужное помещение. У двери там была небольшая очередь – всего трое сдавших еще до Река, но отличный результат давал ему право войти без очереди, чем он и воспользовался, как только из кабинета выкатился предыдущий.

Рек вошел. Четко отдал честь медиалу-два, внутренне при этом усмехнувшись: офицер этот на самом деле был всего лишь чиновником, канцелярским пауком, так что Рек приветствовал в общем не его, а воинское звание, два круга – правда, лишь желтых, а не почетных черных. Конечно, светило можно считать желтым, но черный – цвет Космоса, Вселенной. Вот так-то.

В ответ на приветствие Рек получил отмашку и доброжелательную улыбку, какая полагалась успешному выпускнику. Его лицензия была уже готова: канцелярия работала без сбоев. Чиновник собственноручно прикрепил новенькие углы к куртке Река и проговорил приветственную формулу. В ответ Рек отсалютовал и тут же напомнил:

– Мед, и еще – посевную.

Чиновник кивнул:

– А как же. Она готова. Вот, пожалуйста. Веселись, наслаждайся.

Рек схватил карточку. Пробежал глазами.

– Мед, но она пустая – ни имени, ни адреса!.. Что за шутки?

Офицер развел руками:

– Все, что сейчас можем: дать тебе право. Больше ничего. Их сейчас нет у нас, просто нет, ни единой. Была только одна, но ее мы еще вчера сосватали. Да ведь... (он скользнул глазами по экрану монитора) ты это и сам знаешь: твоя сестра, верно? Да ты не один на такой позиции. Мой совет: тебе сейчас полагается трехдневное увольнение – поезжай в любой гражданский городок, и первая же свободная, кого там встретишь, – твоя. Да к такому парню любая прибежит, только помани.

Разочарование – вот что пережил в эти мгновения Рек Телан. Он-то рассчитывал совсем на другое. Конечно, если подумать – этого можно было ожидать: в ЦОСах женщины – редкость. На Редане, в отличие от многих других миров, женщины не служат, потому что вывозить их с планеты запрещено законом: что бы стало иначе с рождаемостью? С населением? С сырьем?

Рек все же заставил себя улыбнуться в ответ:

– Благодарю. Разрешите идти?

– Свободен. Удачи, угол!

Снова Рек оказался на улице. Надо было прийти в себя. Побрел дальше, куда глаза глядят. Сейчас – то почти невероятное состояние, когда на целых три дня ты сам себе хозяин.

Он двигался, не обращая внимания на окружающее.

На макеты разных моделей боевых и транспортных кораблей, на типичные ландшафты многих миров – наиболее воинственных в Конфедерации, с соответствующими полосами препятствий, где и сейчас занимались тут кадеты, там курсанты: бежали, ползли, прыгали, стреляли – условными, конечно, импульсами. Еще дальше простирались полигоны – для каждого вида оружия свое пространство, здесь работали уже не учебные, но смертоносные штучки,

слышалось шипение, свист, легкие хлопки взрывов, треск разлетающихся или вспыхивавших целей. Стояли – в ангарах и на природе – машины разных армий, находящиеся сегодня на вооружении больших и малых миров Конфедерации, а по другую сторону виднелись поля для отработки рукопашного боя, группа на группу, где сейчас тоже бегали и всерьез схватывались лицом к лицу. И мало ли еще что тут имелось и происходило, необходимое для высококачественного производства той продукции, какую Редан только экспортировал, в которой был, по сути дела, монополистом в Галактической Конфедерации.

Продукция называлась – универсальные, всесторонне подготовленные войска экстра-класса. Солдаты, унтер-офицеры углы, и даже (это уже штучный товар) медиалы, офицеры среднего звена в звании кругов. И была продукция Редана в Галактике вне конкуренции. Быть выпускником Редана являлось предметом гордости для любого мужчины этого мира. Да и не только его.

Однако Рек Телан, один из лучших образцов названной продукции, только что успешно сдавший решающий профильный экзамен, сейчас, медленно шагая по улице, переживал не чувство гордости за себя и свою фирму, но совсем другое – зависть. Хотя чувство это и считалось если не постыдным, то, во всяком случае, не красящим солдата.

И не зависть вообще, какая бывает ко всем, обгоняющим тебя в звании, в должности, в наградах. С этим у Река все было в порядке – во всяком случае, до сих пор было, да и дальше, полагал он, сопутствовать ему будет успех.

Зависть имела точный адрес, и предметом ее был Вин Сит, постоянный соперник в боевых искусствах, в поощрениях и наградах. Но не это было поводом для неприятного чувства.

Причина была совсем другой, и даже, если быть точным, не военной.

Причиной была Женщина. Не какая-то определенная. А та, что приходит во снах. Та, что с большой буквы.

Дело было даже не в том, что именно сегодня, и даже в это самое время, в его, Река, доме Вин Сит и сестра Река Весиль занимались... Реку не хотелось даже мысленно произносить это слово, ни один из множества существующих синонимов. В конце концов, с Весилью это неизбежно должно было произойти, не с Вином – так с другим, кто будет удостоен такого поощрения после успешной сдачи выпускных – допущен к выполнению Посева. Хотя вообще-то Рек в глубине души рассчитывал, что отмеченным окажется кто-нибудь из медиалов, офицеров среднего уровня. Это было бы куда престижнее и обеспечивало бы сестре более высокий уровень жизни в дальнейшем. Однако в командате решили так, а не иначе, а решения командиров солдат не обсуждают.

Но было обидно: вот Вин получил женщину, а он, Рек, остался без нее. А это, кроме всего личного, означало, что Вин исполнил свой гражданский долг перед миром Редан, произвел Посев, чтобы место его на Редане было занято со временем другим человеком, пока сам Вин станет сражаться там, куда приведет судьба и начальство, – и теперь Вин стал полностью готов к любому повороту солдатской судьбы, хотя повороты эти практически непредсказуемы: никто, кроме высшего командования, никогда не знает, откуда придет заказ и куда тебя продадут. А вот он, Рек Телан, еще не имеет права на развитие своей судьбы: он не совершил Посева, хотя и полностью готов к этому, хотя имеет на то теперь уже полное право.

Можно, конечно, мысленно ругать командование. Однако оно, если подумать, ни в чем не виновато. Потому что до официального срока выпускных инспекций остается еще без малого полгода, и к тому времени возможность Посева будет наверняка обеспечена каждому выпускаемому. А сейчас проходит так называемый промежуточный выпуск: не рядовых солдат, а малых офицеров, как Вин, как сам Рек и еще три десятка парней, специально для этого отобранных и оставленных еще на полгода, самых успешных в солдатских науках. Намеченных для самых редких, престижных и сложных профессий в космических войнах – единственных, какие сейчас и велись. Наверное, в командате решили, что таких парней нечего кормить из

ложечки: сами справятся, найдут и сделают все, что полагается. У них еще треть года впереди, раньше все равно клиенты не прилетят и никаких контрактов заключаться не будет.

Полезное дело – вот так просто гулять. Понемногу переживания утихают, сознание приходит в норму. Побродим еще?

Может, все же повернуть к дому? Но не по прямой. Сделать большой крюк – по самой окраине ЦОСа. Чтобы потом от чистого сердца поздравить сестру, а встретив Вина, улыбнуться ему искренне, без скрипа в челюстях.

Или вот еще выход: в Корпусе через десять минут сыграют отбой занятиям, и можно сперва подойти туда, встретить Зора, чтобы малек доложил об успехах. Это всегда поднимает настроение: приятно, когда своей семьей можно гордиться.

Левое плечо вперед, и шагом марш к кадетскому инкубатору.

Да шагай ты как следует, не тащись с опущенной головой, не волочи ноги, как последний гражданский недоносок. Хочешь, чтобы таким увидели тебя кадеты? Ведь на самом деле ты не такой!

Раз, два, три!левой!левой! С песней! Пой, хотя бы про себя.левой!

Глава 3

На Редане есть не только ЦОСЫ

На Редане существует всего пять космопортов, ничего удивительного: этот мир хотя и не слаб, но все же невелик, так что четырех активно действующих СФ-станций, то есть комплексов «Старт – Финиш», вполне хватает для поддержания нормальных связей со всеми прочими мирами Галактической Конфедерации. Что же касается пятой, то эта станция закрыта для повседневной деятельности и оживает, лишь когда прилетают клиенты.

Такой визит всегда является для Редана серьезным событием. Он означает, что прилетели большие деньги, которых тут всегда не хватает, и за эти деньги будет продан основной продукт, именно то, что, повторим, является главной и даже почти единственной статьей здешнего экспорта – потому что хотя местные зеленые грибы и известны в Конфедерации как дорогой деликатес, но вывозится их весьма небольшое количество. Хотя продается практически все, что собирают, а искусственному разведению эти грибы не поддаются. Зато главный экспортный товар воспроизводится без помех, и качество его – когда он достигает экспортных кондиций – является едва ли не самым высоким в Галактике. Да нет, не «едва ли», а действительно высочайшим, без всяких оговорок.

Хороший товар, слов нет. И потребность в нем в Галактике существует всегда: то в одной ее части, то в другом конце, но где-нибудь – непременно. К тому же, расходуется он быстро. Дело в том, что покупают его тогда, когда потребность в нем уже дозрела до последнего, потому что приобретать его впрямь никак не выгодно: большие расходы по содержанию. А зачем излишние траты, если можно обойтись без них?

Впрочем, официально экспорт не называется «продажей». Как-то слишком уж некрасиво было бы государству продавать своих граждан, а другим – покупать живых людей, пусть даже и солдат. Какой-то затхлой древностью пахло бы от этого. Во всех документах это называется лизингом с трех– или пятилетним сроком. Но всем давно уже известно, что, вопреки правилам, Редан требует (и получает) не постепенной уплаты, а немедленной, сразу при заключении контрактов. Получает, потому что денег, конечно, всем жалко, но солдат покупают тогда, когда они действительно нужны, не для парадов их приобретают. Так что, хотя в контрактах и стоит слово «лизинг», все называют это продажей. И никому не стыдно.

Наоборот: товар гордится, узнав, сколько готовы за него заплатить.

Тем более что и самому торгуемому (или, в случае чего, семье) от этих денег отломится не такая уж скудная толика.

Глава 4

Мы сами подали рапорта

Рек Телан, как обычно, задержался у ограды плаца старшего уровня кадетского корпуса. Здесь тоже уже шла подготовка к выпуску. За восемь проведенных в корпусе лет ребята успели научиться кое-чему и – не всегда, конечно, но чем дальше, тем больше – отрабатывали задачи так, что любо-дорого было смотреть. Просто молодцами были мальчишки! Хотя зеленые, конечно, четырнадцать, пятнадцать лет, даже шестнадцать – до серьезного умения еще далеко. Но для второй ступени просто отлично. Рек Телан гордился братом: в своей группе малек тоже был первым. Вот так-то. Знай Теланов.

Как раз зазвучал протяжный, немного даже печальный сигнал отбоя. Однако не для всех, похоже. Одна группа продолжала воевать. Наказана? Или по какой-то еще причине?

Взглядом Рек выделил из группы, сейчас как раз проходившей полосу, облачившись в условно-космические костюмы, братишку, Зора. Если малец в чем-то допустит ошибку – дома придется объяснить, показать, как надо, и дополнительно погонять по двору. Но, кажется, сегодня обойдется без этого: парень действует, себя не жалея, как и надо. Чего доброго, в конце квартала сможет нашить себе уголок на рукав. А уголок – всегда уголок, пусть он пока еще только белый; придет время – зазеленеет, потом зарозовеет, станет красным, и наконец...

Рек невольно оттопырил локоть, посмотрел на свой рукав. Черный, да. Это вам не шуточки, господа. Черный угол: уровень носящего этот знак человека гарантирован государством, такой боец пригоден для решения любых задач, отлично действует индивидуально, однако может и возглавить звено. Ну, и – естественно – проценты от продажной цены начисляются ему по высшему тарифу. Больше просто не бывает. А процент очень справедливый. Когда истечет срок контракта – можно согласиться на его продление, а можно и не соглашаться. Выйти из экспортного воинства, начать гражданскую жизнь. Но на это мало кто решается. Это не путь для солдата.

Правда, бывает, что контракт прерывается еще до истечения срока.

Но об этом думать не принято. Это – во власти Главкома Вселенной. И только.

Правило реданских воинов: живи, пока можешь.

И пока жизнь и Река, и семьи, и всех, кого он знает, складывается неплохо. Просто отлично...

– Рек, честь и слава!

Это брат-кадет: все-таки сыграли им отбой.

– Слава и честь, Зор. Ответ по-солдатски честно: в чем вы провинились, что вас погоняли даже после отбоя?

Сложная гамма переживаний: обида, негодование, возмущение. Так что голос даже подвел, и кадет дал петуха, выкрикнув:

– Ты что? Не знаешь – не говори!..

Немалых усилий стоило не засмеяться, а серьезно потребовать:

– Кадет, доложи толком!

Командный, «угловой» голос сразу привел мальчишку в чувство.

– Докладываю: никто ни в чем не провинился и никого не наказали! Мы сами подали рапорта, чтобы нам продлили занятия. Полоса у нас на два часа сдвинулась, потому что теперь перед ней – боевая практика. Мы уже вторую неделю так занимаемся, а ты и не заметил!

Вот как. Мог бы и заметить. Но все последнее время шла подготовка к выпуску, и ни на что другое минут не оставалось, и внимания и сил – тоже.

– Так. На каком же основании и с какой целью вся группа подала рапорта?

– Ну... Вам ведь дали досрочный выпуск, ты сам говорил, да это весь корпус знает.

– Ну, и что же?

– Вас выпускают Вольными Охотниками, да?

Рек не выдержал – усмехнулся не без самодовольства:

– Сведения соответствуют. Дальше?

– А Вольных продают не поодиночке, а звеньями, так всегда было.

– Верно.

– Значит, сейчас те, кто выпущен, будут подбирать себе роландов.

Черт его знает, откуда пошло это название «роланд» вместо понятного «прикрывающий». От какой-то старой легенды, что ли, когда такое имя носил прикрывающий одного из древних ведущих. Не на Редане, понятно: Редан – мир молодой. А это – из тьмы веков.

– Кадет, подбирать мы будем прикрывающих. В докладе жаргонные словечки неуместны. Да, будем. И?

– А в Положении о Вольной Охоте сказано, что прикрывающим может быть и выпускник Корпуса со второй ступенью. Еще до Академии.

– А, вот оно что! Захотелось поскорее стать взрослыми?

– В Положении написано: «Не моложе шестнадцати лет».

– Совершенно точно.

– А мне уже шестнадцать.

Тут Рек почувствовал, что начинает злиться.

– Так ты что же: решил от Солдатской Академии откосить?

– Рек! Возьми меня прикрывающим, ладно? Я в группе иду Первой строкой...

– Вот поэтому и пойдешь в Академию.

«Сказать ему, что это я прикрывал его противника в зачетной схватке час тому назад? Нет. Тогда он вообще разозлится до последнего, чего доброго, обратится по начальству...»

– А если у меня будет боевой опыт – меня примут сразу на третий курс. Так что я ничего не потеряю! Рек, испытай меня хоть на имитаторе, увидишь, что я...

– Отставить разговоры!!

Довел все-таки мальчишка до белого каления. Сопляк. Да, в шестнадцать всем им хочется поскорее в строй. Но сейчас войны суровые. И таким полужайкам делать на них нечего. Устав писался тогда, когда таких и в самом деле брали. Давно пора бы его переписать. Нет, братик, пройдешь всю науку – вот тогда пожалуйста. А сейчас – и не мечтай.

– Кадет, смирно!

Хоть этому они успели научиться.

– Приказываю: ни о чем таком больше не думать! Заниматься учебой. Оставаться первым. И готовиться в Академию. Вопросы есть? Вопросов нет!

Это пришлось сказать самому: Зор явно был настроен еще поспорить.

– Кру-гом! Шагом – марш!

Спохватился и вдогонку уходящему крикнул:

– Домой не спеши, сходи лучше на городок, потренируйся часок-другой на карусели, поднагрузи вестибуляр, а то у тебя с ним не все в идеале.

И сам повернулся и пошел. Без особой цели. Куда глаза глядят.

Глава 5

Придется крутиться

Это все происходило в ЦОСе-18, одном из множества Центров Образования Солдата юго-восточного квадранта планеты. А в другой четверти населенной территории, северо-западной, где народу обитало куда меньше, потому что природа там была намного суровее, быть может, именно по этой причине размещалась пятая, нерегулярная СФ-станция. И если в ЦОСах все было в спокойном порядке, как и полагалось, то на нерегулярном космодроме, а точнее – в расположенном подле него поселке, в это же самое время обстановка была куда более напряженной. И не без серьезных причин.

Станция представляла собой сильно вытянутый овал, достаточно обширное и ровное плато, усилиями людей возникшее в среднегорном районе. На нем, в южной его части, помещалось десять старт-финишных столов разного размера, из которых два, третий и восьмой, были приспособлены для приема и отправки тяжелых кораблей и находились в отдалении от прочих. Ближе к центру располагался аэродром для атмосферных кораблей. В самом же поселке, точнее – в его центральной части, стояло несколько зданий: два многоэтажных, сейчас, похоже, пустовавших, дальше, в отдалении от них, небольшое строение, отгороженное от остальной территории надежным бетонным забором с воротами и проходной. Тут же возвышалось несколько антенн разного назначения.

У проходной на стене виднелись три небольших табло. На том, что висело слева и повыше, значилось «Правительство Редана. Уполномоченный государственной Лизинговой комиссии», пониже – «Конфедеративный банк. Реданское управление». Третья же табличка, по другую сторону проходной, извещала, что тут находился и совершенно неожиданный «Высший учебно-строевой командат» – коротко и неясно.

Севернее стоял еще один десятиэтажный куб с уютным патио в середине; и внешний вид его, и внутреннее убранство намного выигрывали при сравнении с теми двумя корпусами, что сейчас пустовали. Впрочем, и это приятное строение тоже выглядело необитаемым. На всех его этажах не насчитывалось и двух десятков человек.

И наконец, северная оконечность плато была отведена под технические службы. Человек сведущий без труда опознал бы здесь и силовые установки, и энергетические хранилища, и ремонтные мастерские, и даже мощные устройства для эвакуации поврежденных кораблей со столов в ремонтные эллинги. Широкая бетонка вела отсюда ко взлетно-посадочному комплексу, но не прямо, а вдоль восточной границы овала.

Внешне все на станции выглядело спокойно, даже безмятежно. Да и на самом деле, если что-то и происходило, то лишь в огороженной части, а точнее – там, где обосновалась Лизинговая комиссия. А происходил там всего лишь разговор между двумя людьми, один из которых, двухзвездный госсоветник Ду Ду Ном, был главой этой комиссии, другой же – военный, судя по форменной одежде, точнее же – средний генерал Лиз Берот – именовался главным командантом по учебе и строю. Всего лишь разговор, да, но он подчас бывает важнее даже и серьезного события.

– Генерал, – проговорил глава с такой интонацией, словно за этим словом должно последовать какое-то серьезное обвинение или, во всяком случае, упрек. – Вы сейчас шли сюда – пол под вами не дрожал? Вам не показалось, что происходит землетрясение?

– Ни малейшего ощущения. – Генерал пожал плечами. – Да если – сейсмологи доложили бы.

– Сейсмологи могут отдыхать. Но почва под нами трясется. Вот, читайте.

Генерал прочел то, что виднелось на экране. Взглянул на хозяина кабинета. Тот лишь поджал губы и дважды кивнул. Генерал прочитал текст вторично. Сказал:

– Ну надо же! Что называется, невезение. А нельзя кого-нибудь из них отпасовать куда-нибудь... перевести в режим ожидания на худой конец?

– Без указания Главного Щитоносца – не имеем права. Не наша с вами компетенция. Да и потом – все равно плохо. Сколько у нас готово к контрактации?

– Согласно стандарту. Полный большой набор. Пять тысяч единиц высшего сорта. Универсальные космодесантники. Марки «Стандарт Р». Качество гарантировано. – Произносятся эти слова, генерал невольно приосанился.

– Всего-то, – тут же охладил его высокий чиновник. – А у нас, ни много ни мало, – два заказа по пять тысяч этого самого Стандарта. Что же вы посоветуете делать в такой обстановке?

Генерал раздумывал недолго:

– Отдать первому, кто сядет. А перед вторым извиниться: мол, все продано, придется немного повременить – следующая партия уже созревает, набирает кондиции.

Госсоветник невесело усмехнулся:

– Решение естественное – но только в теории. А на деле... Они вошли в наше припланетье практически одновременно, тут разве что фотофиниш мог бы помочь – но разница наверняка будет в пределах возможной ошибки, и ни один судья ее не признает доказательством. А если говорить о первом, кто сядет, то на практике это можем решить только мы: кому разрешим, тот и сядет. Вам очень хочется взять ответственность за выбор на себя?

Вообще-то военачальникам – а генерал, без сомнения, таковым являлся – должно быть свойственно принимать решения и отвечать за них. Но участника этого разговора такая перспектива, похоже, не устраивала. Судя по тому, что он сказал в следующую минуту:

– Давайте сделаем вот как. Посадим их плотно, одного за другим, с минимально допустимым разрывом по времени – чтобы нельзя было придраться к тому, что кому-то якобы оказано явное предпочтение. Первым пусть садится тот, кто заходит с востока – как оно и принято повсеместно. А когда сядут – сведем их вместе, и пусть договариваются между собою: кто возьмет первым, а кому придется подождать. Как угодно, пусть хоть жребий бросают или разыгрывают в кости. А наше дело будет – сторона, как они решат, так и сделаем. И никаких претензий.

Чиновник покивал головой, высоко подняв при этом брови – как сделал бы старый, мудрый человек, только что услышавший явную глупость от незрелого юнца, но не желающий расхохотаться от души, чтобы не обидеть практиканта.

– Оч-чень хорошее решение, генерал. Почти идеальное. Но одна деталь, пусть и крохотная, все же заставляет меня сомневаться.

– Ну, если одна, да еще и крохотная, как вы сказали...

– Совершенно ничтожная, и я уверен, что вы найдете способ нейтрализовать ее. А именно: сумеете достигнуть хоть какой-то договоренности между мадигами и леганами.

Генерал только что набрал в легкие побольше воздуха, чтобы, скорее всего, самым убедительным образом выразить свою уверенность в устранении всевозможных незначительных деталей. Но не сказал ничего, и теперь воздух вытекал из него, как из проколотого мяча. И лишь когда этот процесс закончился, генерал переспросил негромко:

– Кого-кого?

– Ты не ошибся: мадиги и леганы.

Это «ты» со стороны высокого чиновника означало, что разговор из официального служебного становится сугубо частным, отнюдь не для протокола. И дало генералу возможность ответить примерно таким образом:

– Ах, растакую их этакую... Да какой же... этот самый ухитрился подложить нам такую свинью размером с гиппопотама?

Госсоветник Ду Ду Ном вздохнул:

– Стечение обстоятельств. А может, сам Главком Вселенной. Или черт-дьявол. Какая разница? Кто бы ни придумывал, а расхлебывать, твое превосходительство, нам с тобой. И быстро. Потому что уже минут через пятнадцать придется давать разрешения на посадку. «Покоряющему», что с Мадига, и леганскому «Неодолимому». Так что больше времени на раздумья не будет. Придется крутиться. А решать надо, сам понимаешь, с учетом не только минусов, но и плюсов. Такие случаи бывают хорошо если раз в десять лет. Урожай-то какой, а?

– Да-а... – проговорил военачальник с нотой мечтательности в голосе. – С одной стороны, куча забот, зато с другой – такой подарочек... благодатный. Вот уж воистину – не было бы счастья, да несчастье помогло. Ладно, покрутимся.

Глава 6

Чья масть длиннее

Командир атакующего транспорта «Покоряющий» (класс кораблей, едва ли не самый распространенный в космических силах Мадига) был в пределах своего корабля, как и любой командир любого корабля, Первым после Всекомандующего Адмирала Галактик. С одной только оговоркой: в этом походе на «Покоряющем» держал свой флаг глава торговой делегации Мадига. А являлся этим руководителем, как бы странно это ни звучало, сам Главкомандующий Вооруженными силами мира Мадиг, главный адмирал Юкан Маро. И потому, получив сообщение наблюдателей о присутствии в прилегающем к планете назначения пространстве еще одного корабля, кроме тех, что принадлежали Редану и, следовательно, не могли быть конкурентами и представлять для «Покоряющего» опасность, командир корабля – капитан Симод – не стал принимать решения, но доложил обстановку командующему.

– Чей корабль? – Недовольный голос главы делегации свидетельствовал о том, что его оторвали от важного занятия очень не вовремя; так оно на самом деле и было – он в эту минуту как раз лакомился ножкой тинарского косокрыла, тушенной в красном вине с зернышками мадигского перца. – Он что, нас атакует? Какого он класса? Вооружен?

– Никак нет, ваша смелость. Не атакует. Пока еще.

Юкан Маро медленно промокнул губы благоухающей салфеткой.

– В таком случае, что вас беспокоит, капитан?

– Это «Неодолимый», ваша смелость.

– «Неодолимый»?

– Корабль Леганы. Нашего класса. Вы понимаете...

Юкан Маро понимал.

– Его намерения?

– Пока – держит курс на Редан. Как и мы. Заметил нас. Явной враждебности не проявляет. Хотя... вы же знаете их манеры.

Главный адмирал знал их манеры.

– Лучше бы, – проговорил он, как бы размышляя вслух, – его здесь не было. Как вы думаете?

Капитан вообще-то думал точно так же. Но отлично понимал, что устранить чужой корабль сейчас не в их силах. Хотя бы потому, что в случае открытия боевых действий в чужом припланетном пространстве хозяин этого пространства (согласно пункту три-прим триста двадцать шестой статьи Галактического Закона о пользовании космическим пространством) имел полное право считать эти действия направленными против него и принять меры самозащиты. Будь это не Редан, а какая-нибудь мелюзга, об этой статье можно было бы и не вспомнить. Но Редан хотя в целом и был миром не первого десятка, но во всем, что касалось дел военных, входил, пожалуй, даже в головную пятерку. Так что распылить в своем пространстве один-два чужих корабля для него не составило бы ни малейшей проблемы.

При этой мысли капитан невольно поежился под форменной тужуркой, словно ощущая спиной взгляды всех средств наблюдения, что сейчас «смотрели» на него и с поверхности планеты, и с десятков больших и малых спутников, и с кораблей реданского внешнего защитного кольца, которое уже было пройдено «Покоряющим» с соблюдением всех формальностей.

– Я думаю, ваша смелость, – отвечал он главе делегации, – не сделать ли нам простенький маневр? Прибавить ходу, выйти из прилегающего пространства. «Неодолимый» наверняка бросится за нами: наше присутствие тут тоже не доставляет им радости. И там мы их...

– Я вас понял, – возникшую паузу заполнил голос адмирала. – Скажите, капитан: зачем, по-вашему, они оказались здесь?

– Думаю, по той же причине, что и мы: для закупки здешнего товара.

– Правильно. И они, как вы сказали, видят нас не хуже, чем мы их.

– Безусловно, видят. Наши приборы это подтверждают.

– Теперь скажите: если они сейчас войдут в циркуляцию и станут уходить из этого пространства, что предпримете вы? Кинетесь за ними?

– Ну, зачем же. Я...

– Вы этого не сделаете, потому что это будет ошибкой. Наоборот, вы срочно запросите разрешение на посадку, чтобы стать первым и таким образом получить благоприятную позицию для выполнения нашей задачи: проведения закупки. И мысленно поблагодарите их за то, что они нас пропустили. Или, может быть, вам кажется, что я не прав?

– Ваша смелость, вы совершенно правы.

– Так действуйте же, черти бы вас лизали!

– Слушаюсь!

На этом разговоры на борту «Покоряющего» кончились и начались действия. Запрос на посадку ушел уже в следующее мгновение.

На борту же «Неодолимого», атакующего транспорта с Леганы, в это время происходило, надо полагать, нечто подобное, судя по тому, что и там был свой капитан и свой глава торговой делегации, кстати – тоже Главком всех ВС, и цель у них была такой же. Короче говоря, запрос на посадку с этого корабля ушел в те же минуты, что и с «Покоряющего».

И оба корабля вышли на околопланетные орбиты, сохраняя предельное расстояние относительно друг друга и напряженно ожидая – каждый для себя – разрешения на посадку. А Редан все медлил.

«Капитану СФ-станции. Транспорт „Покоряющий“ просит разрешения на немедленную посадку, поскольку глава торговой делегации мира Мадиг нуждается в немедленной высококвалифицированной медицинской помощи в условиях стационарной клиники. Счет идет на минуты.

Командир Симод».

«Капитану и главному инженеру СФ-базы особого назначения. Требуем дать „добро“ на немедленный финиш борта „Неодолимый“. Положение катастрофическое: главный энергоген корабля вышел из-под контроля, что грозит в лучшем случае неуправляемым падением на планету. Принимаем все меры, но необходима аварийная посадка.

Глава делегации, маршал высшего ранга Экибал Тустас».

– Смотри, – сказал советник Ду Ду Ном генералу Бероту. – Пожалуй, преимущество у «Неодолимого»: и угроза посерьезней, и уровень подписавшего повыше. Как считаешь?

– Это как смотреть, – ответил генерал осторожно. – Жизнь главы делегации – вещь нештучная, тем более что леган не упадет, даже если мы им откажем, а с этим их маршалом – с такими в полетах всякое случается. Так что я бы еще подумал, чья масть длиннее.

Глава Лизинговой комиссии понял, что помощи со стороны строевого командата он на этот раз не дожидается. И, глубоко вздохнув, проговорил:

– Ну, что же: ситуация исключительная, придется и решение принимать такого же сорта. И, кстати, единственно возможное. Остальное будет уже зависеть от них самих.

И продиктовал диспетчеру по иннерсвязи:

– Дайте преимущественное разрешение обоим финиширующим бортам. Одному на стол-три, другому – на восьмерку. Выполнять!

– Ну и рисковый ты парень! – сказал генерал.

– Игра стоит свеч. Да никакого риска и нет, – возразил советник. – У них за пультами – асы, это всем известно. А в случае чего – сами будут виноваты, что не справились с маневром.

Они ведь сейчас станут садиться на пределе допустимого – чтобы хоть на полсекунды опередить другого. Может, у кого-нибудь рука и дрогнет.

– Выведут стол из строя недели на две, – предположил генерал.

– Ремонт будет за их счет, согласно Уложению. А эти миры не бедные, заплатят не моргнув глазом. Наш восьмой, кстати, давно просит ремонта. А денег нет. Ну, и, кроме того... сам понимаешь.

– Хитер, хитер, – воздал должное генерал.

– А ты поторгуй с мое – научишься. Хотя крутиться нам сегодня еще как придется.

– Выкрутимся, а?

– Если нет – вкрутят нам, и по самое некуда. Ты ведь понимаешь: узнают на верхах, что мы такую возможность упустили, – не простят. Ага кинулись! Ставлю полсотни баллов на «Покоряющего».

– Отвечаю.

Оба больше не отрывали глаз от экранов. Приземление происходило на грани риска, и призрак катастрофы, казалось, маячил где-то совсем рядом с ходовыми экранами.

Глава 7

Катастрофы не случилось

Самое лучшее время в ЦОСе-18 и его окрестностях – предвечернее, когда все рабочее (учебные, служебные) дела на сегодня завершены, даже дневной ветер улегся отдохнуть, а сменщик его, ночной, «приносящий тьму», еще не раскачался; светило уже опустилось за неблизкую горную цепь, и медленно подползают ласковые сумерки, время встреч, фантазий, нежных слов, близости – духовной, но не только. Лучшее время, чтобы рассказывать разные истории и их слушать. Строить планы на будущее в соответствии с уровнем воображения и пытаться привязать их кончик к ускользающему дню – в надежде, что он, словно буксир, подхватит задуманное и уверенно потащит за собой. Одним словом – все спокойно, все прекрасно...

Зор Телан, все еще переживающий обиду, приближался к дому медленно, словно бы нехотя. Этим вечером его исключительная привилегия (обитать не в корпусной казарме, а в семейном жилище) вовсе не казалась ему такой уж значительной. В казарме он сейчас был бы не один, нашел бы, с кем поделиться переживаниями, обсудил – что и как еще можно сделать, чтобы все-таки настоять на своем, спросить совета – что предпринять, чтобы все-таки уломать братца. Дома придется переживать все в одиночестве. Хорошего мало.

Он был уже рядом с крыльцом, когда дверь распахнулась и из дома вышел – не Рек, к счастью, сейчас видеть его снова ну никак не хотелось, а Вин Сит. Как было в корпусе уже известно – тоже успешно выпущенный и удостоенный угла. Вин Зору не очень нравился: слишком уж высокомерно обращался с кадетами, словно не выпускником был, а по меньшей мере уже медиалом. Зор невольно шагнул назад, ожидая услышать какую-нибудь очередную насмешку. Нет, не везло ему сегодня.

– Гуляешь, головастик? Правильно делаешь: вечер редкостный... Ну, какие победы одержаны? Скоро уже начнете нас, стариков, подпирать?

Странно: каким-то совсем другим показался Вин на сей раз. Мирным как бы, расслабленным, смешно сказать – добрым. С чего бы это? Он сейчас у Вески был, кадетам все известно. Неужели это на людей так действует? Ласковый Вин – с ума сойти!

Но постой. «Мгновенно оценить обстановку, принять верное решение» – не этому ли в Корпусе учат с самой первой ступеньки?

– Ну, не бойтесь, угол, еще не завтра.

Сказано это было даже без намека на задиристость, как кадет обязательно ответил бы в другое время. И удалось вовремя удержать за зубами уже готовый вопрос, где зависть и ехидство смешались бы: «Ну как, насладила тебя моя сестричка? Поделись опытом!»

Знакомый мужик исполняет долг с твоей сестрой – это не всегда приятно. Но Вин – такой мужик, что никаких возражений. Совет да любовь. Тем более – настроен он так серьезно, что дальше некуда. А вдруг это у них сохранится? Может, скоро гулять будем? Было бы здорово. Значит, тем больший смысл есть – рискнуть.

– Слушай, угол Вин, я что хотел спросить...

И запнулся. Вин же, наверное, все же услышал так и не прозвучавшее. И ответил, ничуть не стеснясь, даже с гордостью какой-то:

– Докладываю: Весиль дома. Живая и здоровая. И, судя по всему, довольная. Но ты смотри, Зор: станешь ее задевать – горько пожалеешь. Уяснил, кадет? А вообще... Вас что, не учат – что любопытство должно быть не длиннее прически? А у тебя его можно в косы заплетать. Ты бы лучше взял кинжальный пояс, пошел на плац с чучелами...

Главком Небес, до чего надоело это «кадет, кадет»...

– Я не о том совсем.

– О чем же еще? Интересно. Только быстро, мы тут погулять собрались, Весиль сейчас выйдет. Ну? Огонь!

– Вин, ты это... роланда уже подобрал себе?

– Гм... Ну, не успел еще, сам видишь. А тебе-то что, головастик?

Ничего себе вопрос: глупее не придумать. А еще угол.

– А то ты не знаешь. Вин, слушай: возьми меня, а? Не пожалеешь! Лучше меня тебе все равно не найти – я ведь всех в корпусе знаю. Возьми меня на имитатор, проверь, что я умею!

Вин пробормотал что-то, Рек не разобрал: как раз над поселком разнесся многократно усиленный звук трубы – повестка перед отбоем. Сквозь этот звук ничто другое не пробьется.

– Что? Не понял!

Вин Сит сделал вид, что сердится.

– Разговорчики, кадет! Порядка не знаешь? Тебя с него за уши снимут! Сперва подай рапорт, как полагается...

– Да я уже...

Зор не договорил.

Помешал новый, неизвестно откуда взявшийся звук. Он возник маленьким и ничем не угрожающим, тихим и очень низким, бассо-профундо, словно большая собака едва слышно заворчала во сне. Хотя правильное была бы мысль о спящем льве, но она в голову Зору не пришла, поскольку на Редане львы никогда не водились, и там их нет и по сей день. И никто не стал бы обращать внимания на это легкое дрожание воздуха, если бы быстро, очень быстро звук не стал нарастать и повышаться, невольно заставляя всех, его слышащих, заинтересоваться и поднять головы, чтобы взглянуть вверх, откуда он и доносился. Не из одной какой-то точки; источник звука стремительно перемещался, и головы внизу непроизвольно поворачивались, еще не видя того или то, чему звук был обязан своим возникновением, а руки сами собой поднимались к ушам, чтобы защитить их от воя, в какой звук успел уже превратиться, – и продолжал крепчать и повышаться. Почти одновременно все, кто находился в этот час под открытым небом, увидели светящуюся в вышине точку и услышали, что звук, до сих пор воспринимавшийся как соло, в какой-то миг раздвоился и стал слышаться уже дуэтом, на два голоса, повыше и пониже. А вскоре – через секунды – стала видимой и вторая точка, сначала подобная звезде третьей величины, но прибавлявшая в яркости быстрее, чем первая, достигшая уже минус первой величины и таким образом, похоже, догонявшая ее. Возникла вторая точка на угловом расстоянии примерно в шестьдесят градусов от первой, но угол быстро уменьшался, и можно стало предположить, что оба источника света и звука направлялись к одному и тому же месту на поверхности планеты.

И Вин, и Зор внизу наблюдали это вначале совершенно спокойно, однако вскоре каждый из них стал испытывать напряжение: слишком уж стремительно сокращалось разделявшее обе точки расстояние. И то была не смутная тревога непонимания, но совершенно определенная. Потому что не впервые обитатели Редана слышали и видели такое – но всегда звук был одиноким, и источник его – тоже. Это считалось нормальным, даже более: было явлением вполне приятным. Но сейчас...

– Ничего себе! – проговорила за спиной стоявших только что вышедшая на крыльцо Весиль, тоже (заметил Зор сразу) какая-то размягченная против обыкновения. Подошла, не стесняясь, прижалась к Вину, положила руку ему на плечо, а он ее обхватил за талию. Принарядилась к вечеру, готовая к приятной прогулке. Но невольно приостановилась: никак нельзя было не выразить своего отношения к происходящему людям, которые понимали обстановку не хуже, чем она сама. В отличие от любой другой женщины, не принадлежавшей к когорте привлеченных. – Это кто же мог позволить такое? Уснули на башнях? Или что?

– Метеориты? – вслух подумал Вин. – Да нет: их бы уже раздробили в пыль.

И в самом деле: с непрошеными визитерами из пространства на этой планете служба «Панцирь» расправлялась безошибочно и решительно.

– А может, это десант? – мечтательно проговорил Зор. – Вторжение?

Кадеты на Редане все поголовно мечтают о вторжении, о чужом десанте и о победоносном его разгроме. Воспитание.

На это предположение старшие никак не откликнулись: нелепость его была ясна любому. Да и некогда сейчас было глядеть в корень: обстановка в небе с каждым мгновением становилась все более угрожающей. И хотя непосредственной опасности для ЦОСа вроде бы не возникало, рискованное сближение источников света и звука происходило на самом деле далеко в стороне, но уже само по себе неслыханное нарушение порядка содержало в себе вызов установленным нормам жизни.

А звук, едва не достигший уже ультрачастот, на несколько секунд как бы сделал площадку, и, к великому облегчению наблюдателей, стал понижаться – одновременно с увеличением яркости каждой точки. Это могло означать только одно: каждая из точек была кораблем, корабли не потеряли управляемости и (приходилось признать, что как раз вовремя) вошли в заключительный этап торможения. Теперь они снижались строго параллельно в минимально допустимом удалении друг от друга и на максимально возможной финишной скорости.

– Лихачи сумасшедшие! – так выразила свое мнение Весиль. – Ну, и сдерут с них за такое хулиганство! А?

– Классные пилоты, – проговорил Вин. – Корабли ведь не маленькие: судя по яркости – атакующие транспорты. Могучие машины. Интересно чьи?

– Два атак-транспорта сразу? – не поверил Зор. – Такого не бывает.

– Не бывало, это точно, – почти согласился черный угол. – Однако вряд ли они не получили разрешения. Значит, им дали «добро». Ну, кажется, обошлось благополучно.

И в самом деле: огни, уже где-то над горизонтом, стали быстро слабеть, а звуки перешли в то самое ворчание, с какого начались, и скоро вообще перестали слышаться.

Но настроение людей вдруг как-то изменилось. словно некая чужая сила прошелестела мимо, заставила ощутить, что на самом деле тихий вечер может оказаться не таким уж безмятежным.

– Гулять я раздумала. Не хочу, – заявила Весиль.

– Ну и ладно, – сказал Вин. Покрепче обнял ее. – Дома тоже есть чем заняться, верно?

– Когда никого нет, – сказала она.

– А Рек нагрянет?..

– Нет. Я его еще днем попросила. Конечно, если не хочешь...

Вин Сит очень хотел.

– Зор, а ты, по-моему, еще не набегался?

– Ладно, – сказал Зор басом. – Пойду на плац, поработаю кинжалами.

При этом он смотрел на Вина пристально, со значением. «Я делаю так, как ты сказал, – учти, жду и с твоей стороны такого отношения».

– Завтра тебя посмотрю, – сказал Вин негромко. – Каков ты в искусстве. Может, и в самом деле...

И они двинулись каждый своим путем, не думая больше о грозившей, но, к счастью, несостоявшейся катастрофе.

Глава 8

Главное – выиграть время

Другие же продолжали не только думать о ней, но и действовать соответственно. Потому что иного выхода у них просто не было.

Глава Лизинговой комиссии Редана государственный советник Ду Ду Ном, убедившись в благополучном завершении кораблями сложного маневра, хмуро проговорил, глядя на среднего генерала Лиза Берота:

– Ничего не приходит в голову, хоть плачь. Положение, как в сказке: лежат, прямо сказать, сокровища, но между нами – пропасть. И никакого мостика, даже самого хлипкого. Насколько помню, такого камуфлета никогда еще не возникало: чтобы не добраться, да еще и уладить все миром. Может, ты видишь какой-то выход?

– Как сказать... возникают некоторые соображения...

– Ну, ну? Я люблю, когда у тебя рождаются идеи.

– Это ведь в перспективе – двойная прибыль! Если каждому из них дать полную меру. Случай экстренный, значит, и цена товара будет соответственной. Какая выгода казне, а?

– И не только ей, верно?

Оба одновременно усмехнулись.

– Значит, есть смысл – убогатворить обоих клиентов по полной. Тем более что они – в состоянии войны между собой. И на этом можно неплохо сыграть.

– А из-за чего они грызутся – ты не в курсе?

– Более или менее. Драка пошла из-за Левида. Если помнишь, его выставили на заселение с месяц тому назад.

– Пропустил, наверное. Что же там такого привлекательного?

– Об этом все пока – молчок. Но картина такая, как я понимаю: миром не договорились, оба хотят выиграть одним ударом, понадобилось сильное войско – вот они и кинулись сюда, к нам.

– Придется разводить дипломатию. Предлагать каждому по половине обычной квоты – смысла нет. Не договоримся. И цена сразу съедет.

– Да, пожалуй. У этих миров, у обоих, репутация такая, что...

– Это мне известно. Что же прикажешь: наложить на себя руки прямо перед ними, чтобы постеснялись скандалить? Ну, что ты скалишь зубы, генерал? Роди хоть какую-нибудь мысль. Редану скандалы не нужны, наш лозунг «Любой спрос всегда перекрывается предложением». Побеспокойся хоть немного: тут ведь не только о прибыли речь – если думаешь, что промах сойдет нам с рук, то это самая большая ошибка в твоей карьере. Скажи что-нибудь! Они через полчаса будут здесь!

Генерала Берота эта тирада, казалось, ничуть не смутила. Он лишь пожал плечами с таким видом, словно все происходящее и выведенного яйца не стоило. И проговорил:

– Давай проанализируем обстановку спокойно. Нам нельзя терять ни репутации, но тем более своей выгоды. Так вот, к их приходу мы должны уже твердо знать, как удовлетворить их пожелания.

– Слишком мало времени остается.

– Значит, надо выиграть время. Каким образом?

– Понял! – заявил советник. – Обязательный карантин затянем до конца суток, самое малое.

– Поможет ли это?

– Посмотри на часы. Через двадцать пять минут рабочее время кончается. Врачи с телеметрии сейчас пусть дадут заключение: после посадки в экстренном режиме – а они так и сиделись, верно? – прилетевшим необходим продолжительный отдых с полным расслаблением. Ну, и соответственно их обслуживают, чтобы клиенты не почувствовали себя обиженными. Так что переговоры сегодня уже не начнутся.

– Нам, значит, предстоит бессонная ночь.

– Служба есть служба, генерал. Ты сказал – одна ночь? Почему? Клиенты ухитрились прибыть в самом конце декады. Впереди – два вольных дня. Никто на Редане не обязан в эти дни работать. Значит, в нашем распоряжении еще два дня, и три ночи. За это время можно создать если не мир, то уж половину его, во всяком случае.

– Славно придумано. Однако этим же временем будут располагать и гости. А они – птицы стреляные. Сейчас, я уверен, и они прокручивают ситуацию, а понимают они ее не хуже нас. Так что можно ожидать с их стороны каких-то действий.

– Естественно. Вот ты и позаботься накрыть их надежным колпаком. И обезопасить ЦОСы от постороннего любопытства.

– В каких пределах, как думаешь?

– В рамках закона. Любопытство – пресекать. Воздух над ЦОСами – закрыть наглухо. Сунутся – уничтожить. Они претензий не предъявят: придется ведь признавать, что занимались деятельностью, не совместимой с торговыми операциями, а это формально – законный повод для отказа, а неофициально – позор для их разведки.

– Наверное, нужно на спутниках сменить программы шифров, чтобы они не смогли получить с них ни клочка информации.

– А вот этого как раз не нужно. Пусть слушают на здоровье. Лишь бы носа не высовывали наружу из кораблей. Позаботься об этом – и все получится по-нашему. Командуй. А я стану думать дальше.

– Ладно, будь по-твоему!

Глава 9

Командующий подозревает обман

На финишном столе номер три время, пока станционная служба снаружи занималась обычными процедурами укрепления и охлаждения только что севшего «Покоряющего», глава делегации, командующий силами Мадига Юкан Маро использовал время, оставшееся до открытия портала, для оперативного совещания. Участвовали главные специалисты экспедиции и корабельное командование. Все – в достаточно высоких чинах, кроме одного участника, а точнее, участницы.

То была единственная женщина в оперативном составе экспедиции, по имени Нарин. Все прочее о ней оставалось неизвестным, поскольку свои секреты галактическая разведка охраняет более чем надежно – а в Конфедерации вся разведывательная деятельность централизована, так что каждый мир может арендовать профессионалов, но не имеет права заводить собственную секретную службу. Не будь такого ограничения, Конфедерация, возможно, давно развалилась бы. Одевалась Нарин в гражданское и на первый взгляд – а впрочем, и на второй, и на третий – была просто женщиной, молодой и привлекательной, и мысли, возникающие при виде ее у мужчин, носили преимущественно игривый характер, а у женщин были скорее неприязненными, что легко понять. Впрочем, других женщин на «Покоряющем» и не было. Однако сейчас от романтических настроений все собравшиеся в адмиральском салоне были весьма далеки.

– Итак, – сказал Юкан Маро, – обстановка с самого начала оказалась на порядок сложнее, чем предполагалось. Конкуренты не то что дышат нам в затылок; до сих пор они идут с нами, так сказать, ноздря в ноздю. Будь я нейтральным зрителем, то, клянусь моим флагом, затруднился бы решить – на кого ставить, потому что ставки принимались бы один к одному. И если мы хотим финишировать первыми, нам придется прищипориться и тактически рассчитать все как можно точнее. Потому что – готов спорить на любые деньги – они сейчас точно так же собрались и размышляют о том, как бы ловчее провести нас, оставить за флагом.

Адмиральская манера выражаться никого в салоне не удивила: давно было известно, что Юкан Маро был заядлым лошадиником и скачки предпочитал любому другому развлечению. Недаром кличка его среди младшего офицерства звучала как «Иго-го!».

– Излагаю суть проблемы, – продолжал, спешившись наконец, глава делегации. – Конкурент – прошу пока именовать его именно так – преследует ту же цель, что и мы. Для поставщика они ничем не хуже нас, хотя, полагаю, и не лучше. У него нет оснований оказать предпочтение одному из нас – потому что ни мы, ни эти... прохвосты такого оскорбления не спустят. Далее. Мы были намерены, и при этом же останемся, закупить полный разовый объем реданской продукции: пять тысяч солдат. И на меньшее не согласимся. Но, вне всякого сомнения, такие же требования выдвинет и Легана.

Командующий сделал паузу, чтобы перевести дыхание.

– Позиция продавца ясна: не имея возможности удовлетворить пожелания обеих сторон, они попытаются разделить имеющийся у них продукт пополам. Шаг в данных условиях совершенно естественный. Это – один вариант, и я назвал бы его честным и пристойным. Однако Редану такой выход, скорее всего, покажется слишком примитивным: этим торгашам совершенно ясно, что мы привезли сюда деньги для оплаты предполагавшихся нами закупок в полном объеме, конкуренты сделали то же самое, и Редан будет считать себя проигравшим, если позволит и нам, и другим половину денег увезти обратно. Вывод: нас попытаются провести, разбавляя наш добрый флотский стенолаз водичкой в пропорции один к одному. То есть, вместо первосортной продукции нам подсунут в смеси столько же недоработанной, сырой, хотя

подкрасят и вкус отполируют так, что разобраться можно станет, лишь когда продукция пойдет в работу. Чем это грозит – понимаете сами.

Все действительно понимали.

– Поэтому, поскольку, как нам только что сообщили, переговоры о сделке начнутся лишь в начале следующей недели, возникшую паузу мы обязаны использовать для того, чтобы, если мои предположения верны, отделить воду от спирта – так, чтобы ее выпили конкуренты, а мы получили полноградусное питье.

Послышался легкий но, несомненно, одобрительный гул. Командующий откашлялся, прежде чем продолжить:

– Хвала Адмиралу Вселенной, мы на Редане не впервые, и сведений для начала у нас имеется достаточно. Но чтобы овладеть обстановкой полностью, мы должны получить самую свежую информацию о сиюминутном положении дел в здешних Центрах Образования. Это позволит нам за имеющееся время выяснить: есть ли у Редана возможность честно удовлетворить наши пожелания или они пойдут на хитрости. Если да – то в каких масштабах. Овладев этой информацией, мы получим возможность негласно оказать на поставщика такое давление, что ему придется принять наши условия. Конечно, в случае необходимости мы не откажемся простимулировать тех, кто будет решать эти вопросы, в таких объемах, от которых они не смогут отказаться. Таковы мои принципиальные наметки. Я готов выслушать ваши предложения. Прошу не стесняться. Итак?

– Не следует ли потребовать, чтобы нам, так сказать, продемонстрировали товар в работе – и именно тогда, когда поставщик окончательно сформирует весь объем? Непосредственно перед фактом оплаты и передачей заказа из рук в руки. Я имею в виду демонстрацию в серьезных условиях, чтобы стало ясно: сколько там высшего сорта и сколько мусора.

– Безусловно, мы потребуем такой демонстрации, это в порядке вещей, – согласился командующий. – Что еще?

– Позвольте мне? – звонкий женский альт приятно контрастировал с командными головами, звучавшими перед ним.

– Разумеется, – разрешил Юкан Маро.

– Поставщик не предполагал возникновения нынешней ситуации. Он вряд ли мог заранее произвести то развлечение, о котором вы, ваша смелость, говорили. Следовательно, оно начинается в эту минуту – или вскоре начнется. Такие процессы связаны с перемещением людских масс и не могут остаться незамеченными. Прошу разрешить мне выйти в поле, хотя бы в ближайший Центр Образования. На месте я смогу с максимальной точностью установить: происходит ли такое или поставщик намерен играть честно.

«Если понимаешь, что неприятное дело неизбежно, – лучше вызовись на него добровольно». Таким было одно из правил, усвоенных Нарин с самого, пожалуй, детства.

Выслушав разведчицу, командующий – все это заметили – вздохнул, но трудно было сказать: с сожалением, или, наоборот, с облегчением.

– Признаюсь, – сказал он, – я и пригласил вас сюда, чтобы поставить такую задачу. Детали обсудим, скрытную доставку в нужное место мы вам обеспечим – если вы будете готовы в течение часа. Потому что на протяжении этого часа от нас не будут ожидать активных действий, а потом, безусловно, спохватятся.

– Я смогу выйти через четверть часа, – откликнулась Нарин. – Хочу только знать, какое средство передвижения вы мне предоставите. Оно должно обеспечивать прикрытие от нежелательного наблюдения. А также обладать защищенной связью – на случай, если возникнет серьезная необходимость.

– Я дам вам ракапс. Это устроит?

– Разведкапсулу? Да, командующий, вполне.

– Все мы желаем вам удачи! – напутствовал разведчицу адмирал.

Глава 10

А это – моя косметика

Разведчице по имени Нарин не понадобилось и четверти часа, чтобы подготовиться к выходу на территорию, которую, наверное, следовало считать вражеской, хотя Редан войны ни с кем и не вел. Тайная война – вот точное определение разведки. А именно в качестве бойца этой непрерывной войны Нарин сейчас и выступала.

Ей потребовалось семь минут, чтобы переодеться: надеть нормальное женское – даже, может быть, чуть легкомысленное платье (подстраховка на всякий случай, которого, в общем-то, быть не должно), а поверх – походный комбинезон без всяких знаков различия, но с маркой производителя: далекого и совершенно не воинственного мирка. И всего лишь нескольких секунд было достаточно, чтобы подхватить и повесить на плечо небольшую и тоже весьма легкомысленную с виду сумочку. Женщина без сумочки является не вполне полноценной, не так ли?

Офицер из экипажа «Покоряющего», из транспортной боевой части корабля, ждал у двери ее каюты. Один из тех, кто то и дело бросал на нее очень недвусмысленные взгляды. Соискателей было, к счастью, немало, и это давало Нарин возможность искусно лавировать между ними, никому не подавая никаких надежд, хотя они, может быть, от военной женщины и ожидали чего-то другого. Офицер улыбнулся и проговорил:

– Королева, ваша карета готова.

– Проводите же меня! – ответила Нарин в столь же шутливой манере.

Спустились, прошли ко входу в эллинг, где, как полагалось, стоял часовой. Вошли. Пересекли обширное помещение, где размещался малый флот атакующего транспорта: два охотничьих кораблика, «клюв» и «коготь», за ними – довольно большое судно, приспособленное к автономному пребыванию не только в Нормали – родном континууме, – но даже и в Просторе. То был спасательный корабль типа «ковчег», в котором могла уместиться вся команда атак-транспорта в том (невероятном) случае, если большому кораблю будет угрожать гибель. Ракапс стоял в дальнем углу, самый маленький и наименее уважаемый. Однако для скрытного перемещения и в пространстве, и на поверхности планет он был вполне приспособлен, а большего от него Нарин и не требовалось.

Корабельный медиал галантно распахнул перед нею дверцу легкого овоида, изготовленного из пластика, который обычные радары не замечали, только гравископические.

– Прошу вас, мадам. Вам приходилось уже пользоваться такими?

– Не беспокойтесь, да.

– Вы помните, конечно, что в случае повреждения в него заложена программа самоуничтожения? Полагается немедленно покинуть...

– Я в курсе, спасибо.

Но медиалу явно хотелось пообщаться еще.

– Могу ли спросить – а что у вас в сумочке?

Нарин удивленно подняла брови:

– Косметика, разумеется. Что же еще?

– Да, конечно...

– Простите, медиал, мне пора.

– Счастливого пути. Возвращайтесь поскорее.

Дверца, наконец, захлопнулась. Нарин пристегнулась к левому креслу. Скользнула взглядом по пульту. Нажала клавишу нормального старта. Под ногами зашуршал антиграв. Ворота выходного шлюза неторопливо распахнулись. Затем створки сомкнулись за кормой. Раствори-

лись внешние. При выходе в атмосферу ракапс чуть качнуло. Наверху открылось темнеющее небо, где уже проступили звезды, что поярче, и с ними соперничали огоньки реданских сторожевых кораблей на орбитах.

Нарин раскрыла сумочку. Там действительно находились тушь, кремы, карандаши, флакончики – много всякого. До самого дна. Верхнего. А вот под ним содержимое уже не походило на косметические принадлежности. Пластиковая коробочка величиной с книгу среднего размера, на верхней плоскости – несколько кнопок и матовое табло, сбоку выходили провода, два пучка. Это – силовой, это – антенный. Разъемы должны совпасть, иначе... Совпали, да и чего удивительного? Под стандарты аппарат и делался. Включила. Удовлетворенно кивнула: схема работала нормально.

За три года службы в Третьей разведке Мадига (Третья значит десантная, в отличие от Первой, действующей на своей планете, и Второй – агентурной) Нарин уже не раз пользовалась ракапсом, и до сих пор – без единой осечки. Вот и на этот раз все шло как по заказу: капсула беспрепятственно набрала нужную высоту, а именно – один выстрел, или, на наши пятаки, около ста пятидесяти метров. Здесь, над режимной СФ-станцией, это было куда проще, чем если бы комплекс принадлежал к общегражданским: тут небо было совершенно чистым от любого постороннего воздушного транспорта, а здешние атмосферники по нерабочим дням не поднимались. Все спокойно. Можно оценить обстановку.

Командующий явно обрадовался ее готовности. Чему именно: тому, что какое-то время ее не будет на корабле? Для этого вроде бы рановато. Или, понимая, что задание достаточно опасное, рассчитывает, что она может и не вернуться? Если так – то почему? От обиды на то, что его мужская атака была успешно и категорически отражена? Если так, то не страшно. Или?.. Но об этом пока судить рано. Увидим. А пока – выполняем поставленную задачу. Не более.

Выберем курс на ЦОС. Не самый близкий, там наверняка настороже, люди тут опытные. А... вот хотя бы на этот – в отдалении, почти в самом углу обитаемой территории. Как это местечко называется? ЦОС-18? Ну ладно, пусть будет «восемнадцать».

Глава 11

А можно и без разведчика

Штаб торговой делегации мира Мадиг, как мы видели, не только обсудил в подробностях создавшееся положение, но и предпринял определенные действия, то есть – выслал разведчика. Все путем. Но как-то не верится, что на другом корабле, что возвышался тут по соседству, на «Неодолимом», принадлежащем миру Леганы, командиры в это время предавались отдыху и вовсе не думали о том, как встретят завтрашний день. Нет, людей беззаботных и не способных думать о будущем Леганы на такие операции не посылают. Так что на «Неодолимом» тоже состоялось совещание руководителей. Трезво оценив обстановку, леганцы, однако, наметили другие действия.

В частности, вопрос о высылке разведки там хотя и поднимался, но решен был отрицательно.

– Я достаточно высокого мнения о специальных службах этого мира, – объяснил командующий Экибал Тустас. – И более чем уверен, что любой человек, если он покинет наш корабль этой ночью, сразу же окажется на множестве мониторов и за ним потянется столько «хвостов», сколько не бывает даже у Тугинской ящерицы. Назад же он наверняка вообще не вернется. Мы, конечно, получим соответствующие извинения, однако ради такого удовольствия я не собираюсь жертвовать людьми. Я полагаю, что нужную нам информацию мы должны добыть, не выходя на природу. Вы уловили мою мысль?

Остальные участники сочли уместным сперва помолчать, изображая усиленную работу мысли. И, лишь выполнив этот ритуал, второй по старшинству, капитан Робус Туч, проговорил уверенно:

– Полагаю, маршал, вы имеете в виду радиоохоту?

– Было бы большим упущением, не воспользоваться ею, учитывая, что у нас имеются великолепные возможности.

Это было понято не всеми участниками, потому что лишь узкому кругу лиц было известно о том, что Легана в недавнем прошлом купила (заплатив, правда, совершенно несусветную сумму) правительственные шифры Редана у одного весьма высокопоставленного лица. Что поделать: на Редане тоже живут всего лишь люди.

– Если продавец, как это бывает в Конфедерации, собирается всучить нам липу, – объяснил свой план Главнокомандующий Вооруженными силами Леганы, – то есть разбавить сортовой товар мусором, причем сделать это за вынужденно малый срок, то без распоряжений, отданных по связи, ему никак не обойтись. Мусор ведь, в отличие от настоящего товара, не пребывает в состоянии постоянной готовности, он скорее вообще не организован. Заранее – я готов поручиться в этом – никто о такой операции не думал. Следовательно, по связи пойдут – а может быть, и уже идут – соответствующие распоряжения, приказы, команды во множество адресов. Нам остается лишь внимательно слушать, дешифровать без промедления и сделать выводы. Чтобы на заключение сделки мы могли явиться не с предположениями, а с конкретными фактами и цифрами.

– А что это нам даст? – поинтересовался главный финансист делегации.

– То, что уличенные в жульничестве продавцы будут вынуждены, во избежание громкого скандала, подлинный товар отдать нам, мусор же предоставят Мадигу, у которого такой информации не будет. Поставщик шифров уверил меня в том, что продает лишь в одни руки. И он понимает, что в случае, если он свое обещание нарушит, то мы предадим его действия огласке. А на Редане такого не прощают и карают жестоко. Очень.

– А если таких приказов и команд не последует? – подумал вслух капитан Туч.

– Задачи будем решать по мере их возникновения. Но скажите мне – каким еще способом они смогут вывернуться из сложившейся ситуации?

Пришлось признать, что другого выхода у Редана просто нет. Если, конечно, он не обладает двумя полными и равноценными экспортными составами.

Глава 12

Упасть с четырех метров

«Славная машинка. Не зря я с ней поработала заблаговременно».

Средство передвижения, каким воспользовалась Нарин, официально называемое «Малый заатмосферный катер», на служебном жаргоне профессионалов носит имя «ракапс», то есть попросту – разведывательная капсула. Она позволяет человеку лететь, развивая скорость в воздухе свыше двухсот километров в час, а в воде – до шестидесяти; при этом на малой высоте капсула, на которой нет ни грамма металла (даже схемы – из проводящего пластика), остается не воспринимаемой локаторами, а окраска типа «Хамелеон» делает ее почти незаметной для оптики. Так что пилот чувствует себя в ней вполне защищенным от всяких превратностей. Почти вполне.

Что же касается Нарин, выполнявшей разведывательный полет, то она имела все основания считать, что проклятое «почти» к ней не имеет никакого отношения. Потому что, кроме штатного снаряжения, она сейчас пользовалась и устройством, какое до сих пор ни в одной армии Конфедерации не только не применялось, но и вообще не было известно. Создано оно было в разведке, но и там пользоваться им разрешалось далеко не каждому и не по любому поводу, но лишь при выполнении серьезных заданий. Средство это давало возможность проникать в такие места, где присутствие посторонних является крайне нежелательным или и вовсе недопустимым. По сути, так называемая система «Незримость» пока существовала только в опытных экземплярах, и они находились в распоряжении Закрытого корпуса Специальных сил.

Это учебное (и не только) заведение существует на планете Рамида – то есть в том мире, что, как и Редан и еще некоторые другие, является монополистом в производстве – только не космических солдат, а специалистов всех видов разведки. Рамида точно так же обеспечивает своими кадрами Конфедерацию, сдавая их в аренду. Питомцы Рамиды, даже находясь на службе во враждующих мирах и честно выполняя свои обязанности, не позволяют себе таких действий против своих коллег по alma mater, как убийство, чрезмерная жестокость и тому подобные. Дело в том, что за любое такое действие им предстоит отчитываться перед Корпусом, куда время от времени им приходится возвращаться для заключения нового контракта. Рамида, в отличие от того же Редана, права на своих выпускников никому не передает. И по этой же причине люди Рамиды, где бы они ни служили по контракту, никогда не отказываются от заданий своего учебного заведения, этой многогранной организации.

Сейчас можно, наверное, считать, что заданием Корпуса, ставшим для Нарин важнее полученного на борту «Покоряющего», была именно проверка в реальных условиях этой самой «Незримости». Впрочем, Нарин, безусловно, была намерена честно выполнить и задачу номер два: увидеть, что на самом деле происходит в Центрах, где государство-поставщик формирует партии своего прославленного экспортного товара. Сперва – в одном таком Центре, ближайшем к СФ-станции, а если там будет замечено нечто подозрительное, то посетить и другие. И регулярно информировать командование о результатах.

Полет походил на приятную прогулку. Карта и маршрут были, понятно, заранее введены в компилот; называвшаяся так многопрофильная схема обладала – вместе с исполнительной механикой – объемом одной пачки ароматных палочек, куда, как известно, их вмещается ровно пятьдесят.

Лететь пришлось навстречу ночи, то есть на восток. Нарин куда больше понравилось бы стремиться вдогонку уходящему светилу, но до западного Центра было вдвое дальше, так что пришлось смириться с тем, что садиться и начинать работу ей придется уже в темноте. Однако

в такой обстановке куда больше преимуществ, чем если бы выходить из незримости пришлось на глазах у возможных зрителей.

Когда до границы района намеченной высадки оставалось уже менее полуминуты, компилот аккуратно сбросил скорость и снизился до нескольких метров. На внутреннем дисплее возникла картинка городка, или скорее поселка, к которому разведчица приблизилась: стандартная планировка – прямоугольная, однотипные двухэтажные длинные строения – для рядового личного состава, несколько кварталов семейных домиков, в каких положено селить унтер-офицеров, в центре – дома уже городского типа, для старшего командования. Это – населенное ядро. А вокруг на немалом пространстве – не менее дюжины полигонов, перемежающихся учебными зданиями, тоже стандартными для всей Конфедерации: типы таких строений оттачивались и совершенствовались десятками лет, а то и сотнями, как и оборудование полигонов разного назначения, где реданский экспорт приобретал ту завершенность и профессиональный лоск, которые и делали его лучшим в Галактике.

Ночь уже наступила, но отсюда, сверху, было заметно, что на трех учебных пространствах сейчас был самый разгар учебного процесса, очереди трассеров полосовали там воздух, кусты и деревья разрывов вырастали на секунды тут и там, и звуки в ночном воздухе разносились далеко, помогая определить – какие именно средства использовались на этом занятии. Ну, что же, это было нормально, вот если бы сейчас работали все полигоны, стоило бы задуматься: с чего бы это такой форсаж? Не происходит ли срочное натаскивание недозрелых, чтобы сбить их с рук под видом готового товара? Нет, похоже, что возникшие у покупателя подозрения не подтверждались – во всяком случае, пока.

Но это было лишь первым впечатлением, которое, как все знают, далеко не всегда бывает верным. А чтобы подкрепить его, следовало ознакомиться с обстановкой там, где должна была находиться сейчас большая часть здешней живой массы – в казармах и вокруг них.

Конечно, для этого вовсе не следовало садиться на грунт и покидать капсулу: сверху опытным глазом можно было определить достаточно много. Однако у Нарин были, по-видимому, еще какие-то соображения по этому поводу. И она начала действовать соответствующим образом.

Выбрала одну из длинных казарм на плане. Прикоснулась к ней мизинцем. Велела исполнять. Компилот возразил: «Опасно». Ему вообще, как женщина давно убедилась, было свойственно стремление к перестраховке, порой он начинал бить тревогу и тогда, когда солнце просто заходило за тучу и резко менялась освещенность; чудил он иногда и при магнитных возмущениях. «Очередной каприз, – подумала Нарин, – что делать – женский характер». Ничего удивительного: компилот РК, средство разведки, как и полагалось, еще перед выходом в рейс одушевляла она сама, естественно, что получился он женщиной. Можно сказать – подружкой, или, как в древности, – компаньонкой. В обычной обстановке Нарин стала бы разбираться с нею по-хорошему, на худой конец запустила бы программы – контрольную и ремонтную. Это она и сделает, но только после возвращения. А сейчас не до того. Слишком мало времени.

– Ладно, – процедила она сквозь зубы. – С тобой – потом, за чашечкой травы. А пока – отдыхай.

Одним движением пальца перевела управление на себя, оставив подруге только указание маршрута. На всякий случай уменьшила высоту до четырех метров. Скорость – до трех двойных шагов в секунду. И двинулась к намеченной казарме.

Через двадцать секунд она пересекла границу жилого ядра. Собралась облегченно вздохнуть. И глазами стала искать место, удобное для приземления.

Не успела.

Быстро-быстро сменяя друг друга, на дисплее заскользили надписи:

«Опасно! Полевая защита. Свойства неизвестны».

«Некомпенсируемые нарушения».

«Самоуничтожение!»

Думать больше не было времени. Нарин действовала, как автомат. Вырвала из разъемов провода «Незримости». Распахнула дверцу. И нырнула во мглу.

Через секунду над ней негромко хлопнуло.

И надежный, окружавший ее кокон исчез – как будто его никогда и не было.

Глава 13

Что можно найти в темноте

Быстро смеркалось, но не темнота была причиной того, что Рек Телан, оставшись один, шагал медленнее, чем обычно. Вообще воспитание и обучение с малых лет приучили его всегда передвигаться так быстро, как только позволяла обстановка, и при этом постоянно контролировать пространство, в котором он находился, хотя бы в пределах, исключающих возможность внезапного нападения или другой подобной неприятности. Но сейчас он как будто совершенно забыл об этом и ступал замедленно, словно бы нерешительно (что ему опять-таки никогда не было свойственно) и к тому же вовсе не интересовался окружающим, как если бы его и вообще не существовало. Увидь Река сейчас любой из наставников, новоявленному углу мало не показалось бы.

К счастью, никто из старших его не видел, да и вообще вокруг было пусто: в этот час люди уже определились и утвердились в своем жилье или в местах общения, больших и малых. Рек и сам свободными вечерами поступал так же; но вот сегодня возникло у него такое настроение, когда даже общество младшего брата оказалось в тягость, так что пришлось от мальчика отделаться без малого силой. Каким-то вдруг Рек самому себе показался не таким, каким ему полагалось быть всегда и в любой обстановке. И поэтому брел как бы не по своей воле, а по принуждению, а куда брел – и сам не знал. Только не туда, где уже собрались сверстники и пошел травеж. Хотя всегда в мальчишниках участвовал с удовольствием. Даже интересное, в общем, зрелище – одновременный финиш двух тяжелых кораблей как-то не задел, не заинтересовал. Рек только поморщился от слишком громкого звука, не более того.

При этом он не пытался даже спросить себя: «Да что с тобой, угол, что за напасть такая? Съел чего-нибудь не то, или вспомнил дурной сон, с чего это ты перешел в жидкое состояние?» Не пытался потому, что причина, в общем, была ему ясна с самого начала.

Или, точнее сказать, причины. Потому что их было, пожалуй, никак не менее трех.

Первая называлась коротко и ясно: весна. Пора, когда все живое... Ну, дальше все и сами знают.

Вторая вытекала, хотя бы частично, из первой. И была она не всеобщей, а узкосемейной. А заключалась в том, что вот сейчас, в эти минуты, родная сестричка вместе с лихим выпускником и, в общем, неплохим парнем Вином уже... Нет, ничего плохого в этом не было, потому что, как гласил неписанный закон, каждый, находящийся в строю, обязан высеять свое семя в лоно той, кто сможет его взрастить. А пока он этого не сделал, он не может быть причислен к Экспортным людям – со всеми известными последствиями. Не выставят такого на контрактацию или, попросту, на продажу. Нет, совершенно ничего плохого не было в том, что Вин заронит в сестричку семя, Рек был целиком и полностью за это. Тем более что не сказано ведь, что Вин после этого исчезнет навсегда. Бывает ведь, что люди и возвращаются, и не так уж редко. И все же на сердце было тяжело. Родная сестричка все-таки! Еще только что была малюткой – и вот уже. Быстро ушло время, быстро. И для нее начнется теперь совсем другая жизнь. Надо радоваться за нее но на самом деле отчего-то грустно.

И, наконец, третья причина была – одиночество. Хотя, может быть, надо было назвать это как-то иначе. Сестра есть, есть брат – но тем не менее... Не принято ругать командование, но невольно лезет в голову: что же это они не позаботились обеспечить нужное количество женщин? Разве заранее не было известно о специальном выпуске? Лицензия, конечно, это хорошо, но ведь это всего лишь бумага – а в таком деле от бумаги толку никакого. Вот если бы...

Мысли прервались, и снова причиной сбоя оказался звук. Но не тот, недавний – порождаемый стремительно снижающимися и тормозящимися кораблями. На этот раз послышался только хлопок – негромкий, как если бы где-то рядом лопнул воздушный шарик, почти совершенно такой звук – но все же другой, лишь очень похожий. И ранее никогда не слышанный. В этом Рек Телан был совершенно уверен: идентификация звуков для профессионального космодесантника любого профиля, а уж для охотника – тем более – умение обязательное, ему обучают и его постоянно тренируют. Рек мог различать сто шестнадцать звуков этого уровня громкости. А сейчас услышал, похоже, сто семнадцатый.

На несколько секунд к нему вернулось нормальное внимание к окружающему. Уже совершенно стемнело, и на зрение можно было полагаться лишь в узких пределах, но слух работал нормально, а также спецчувство. То есть ощущение пространства, его отношения к тебе. Чувство подсказало, что вокруг все благоприятно. Ну что же, может быть, просто слуховое восприятие чуть исказилось именно из-за необычного душевного состояния? Тогда беспокоиться не о чем.

...Одиночество – в том смысле, что и Реку ведь хотелось, и даже очень, уединиться с кем-нибудь... с девушкой, конечно, или женщиной, все равно, и не только для того, чтобы заронить в нее свое семя, но и затем, чтобы... Ему опять стало не хватать слов, но и без слов он чувствовал, что между ним и женщиной тогда возникли бы какие-то новые отношения, чувства, такие... ну, весенние, что ли!

Однако до сих пор ничего подобного у него не получалось.

Потому что ЦОС-18, как и любой Центр Образования Солдата на Редане, был особым поселением. Мужским. Здесь люди не рождались; их привозили сюда в четырехлетнем возрасте, редко – в пяти-, но никак не позже. Не кого попало, но лишь таких, кто удовлетворял строгим требованиям. Мальчики эти считались элитой. Весь этот мир держался на них. Разумеется, не сразу, но когда они вырастали, пробыв здесь лет пятнадцать-семнадцать, воспитавшись и обучившись под руководством опытейших мастеров своего дела. Став, таким образом, экспортным товаром высшего сорта. Когда уже не мальчику, но молодому человеку исполнялось двадцать пять, то есть после Академии, ему предоставлялось право найти себе пару и заронить семя. И вдруг сейчас оказалось, что ожидаемое не состоится – во всяком случае, ни сегодня, ни завтра, как он вполне обоснованно ожидал.

Но всем известно: чем ближе оказывается вожаемое событие, тем медленнее начинает течь время, дни растягиваются в декады, нетерпение возрастает не по дням, а по часам, предвкушение все сильнее требует немедленного удовлетворения – и потому-то и возникает такое томление духа, в котором Рек сейчас пребывал...

Пупп!..

Снова лопнул шарик. И Рек, невольно вздрогнув, опять замер на месте, стремясь вчувствоваться в окружающую обстановку до возможного предела. Повторение – это уже не случайность, это система, верно?

Звук на этот раз не остался одиноким. Напрягшийся слух уловил еще и чье-то дыхание. И – да, ошибки быть не могло – сдержанный стон.

Стон мальчика? Не взрослого мужчины, во всяком случае. Зор? Вряд ли: голос был иным. Но свидетельствовал о том, что нужна помощь. «Помоги пострадавшему бойцу» – правило было одним из императивов воспитания, на уровне безусловного рефлекса. Если убедился, что это свой боец, понятно. Если вражеский – добей. Но тут врагов быть не могло. Так что рассуждать не приходилось.

Определить направление не составило никакого труда. Привычно-бесшумным шагом Рек преодолел несколько метров. Стон повторился. Теперь уже совсем близко. Звук шел снизу.

Пострадавший лежал на земле. В двух шагах. Теперь можно стало включить фонарик – постоянную часть снаряжения. Не раньше: зачем предупреждать человека преждевременно,

давая ему возможность если не скрыться, то подготовиться к обороне? Правила предписывали: даже у себя дома каждого, пока он не опознан, считай противником – и действуй соответственно.

Точно направленный луч осветил стонавшего. И увиденное заставило Река Телана на мгновение застыть, словно окаменеть на месте.

Потому что он увидел не мальчика. Девушку. Или женщину. Незнакомую, естественно. Молодую и красивую.

Встретился с ее взглядом. И у него закружилась голова.

Глава 14

Военную хитрость нельзя называть ложью

Похоже, наступавшая ночь должна была оказаться бессонной и беспокойной для многих в ночном полушарии Редана.

В том числе и для обоих высокопоставленных чиновников этого мира, которым предстояло найти выход из сложного положения – такой, при котором государство не понесет ни экономического, ни политического ущерба и репутация его в Конфедерации как надежного партнера не будет поколеблена ни на миллиметр. Речь, понятно, идет о Государственном советнике Ду Ду Номе и его постоянном партнере, генерале Лизе Бероте.

Первую непредусмотренную атаку судьбы им удалось отразить без потерь. Начало переговоров было перенесено на два дня, по реданскому календарю неприсутственных. Чтобы не огорчать прибывших клиентов, им предоставили возможность использовать время задержки для максимального восстановления после неблизких перелетов и лихого, на грани крушения, финишного рывка. Для этого обе делегации пригласили в реабилитационные центры, существующие, как и положено, при каждой старт-финишной станции и расположенные, к счастью, достаточно далеко друг от друга, так что можно было не опасаться случайной встречи представителей двух воюющих миров. От чего прибывшие и с той, и с другой стороны, впрочем, отказались. Ну что же: как угодно.

Однако задача ублажения важных клиентов, компенсирующая потерю времени, не была ни самой сложной, ни самой важной. Главная проблема, как уже известно, заключалась в другом: необходимо было срочно реформировать математику таким образом, чтобы при делении четырех на два частное оказалось бы равно не двум, как велит теория, но четырем. То есть делить, не разделяя. Наука такую возможность отвергнет с порога. Но политика и коммерция, хотя и включают в себя какие-то элементы науки, все же относятся скорее к искусствам. А для искусства не существует недостижимого.

– Пора поужинать, тебе не кажется? – поинтересовался советник, выступавший в роли хозяина дома, поскольку и второе совещание с генералом происходило в помещении реданской Лизинговой комиссии, а не Учебно-строевого командата.

– Кто бы стал отказываться! Но сперва, наверное, стоит подбить итоги: что у нас уже получилось?

Советник кивнул:

– Разумно. Итак: у нас имеется стандартное количество первоклассного товара...

(Может, однако, возникнуть сомнение.

И в самом деле: пять тысяч человек, всего-то? Что это за численность для серьезной войны – а ведь тут, похоже, именно о такой войне идет речь? Хлипкая какая-то война миров, не так ли?

По понятиям двадцатого века – конечно. Пять тысяч – ну, два полка, а в иной армии и всего-то один, разве что со средствами усиления. Такой силой войну не выиграешь.

Верно. Для двадцатого века. Но здесь речь идет – точно определить затрудняемся, но, во всяком случае, о четвертом – по нашему счету – тысячелетии.

Войны существуют и там. Но их исход решает не физическая сила, и не уровень моторизации, и не внедрение высоких технологий. Эти войны – войны энергий. Громадных. И в гигаваттах, и в их денежном выражении. То есть, убить одного врага там обходится, пожалуй, в миллионы раз дороже, чем просто зарубить его мечом в давнем идиллическом прошлом. Во многие миллионы. В том числе и потому, что войны давно не ведутся на планетах: при такой

энергетике любая война означала бы полное уничтожение жизни в том мире, в котором она возникла бы. Поэтому войны ушли в космос. Но при этом уже одна лишь доставка солдата к театру военных действий стала стоить столько, что о многотысячных армиях (не говоря уже о миллионных) думать более не приходилось.

И пять тысяч солдат и офицеров стали уже очень большой военной силой – учитывая, что один человек способен оперировать громадными энергиями. То есть добиваться таких результатов, какие раньше были по силам целым дивизиям.

Вот почему тот объем продукции, какой Редан предоставлял своим клиентам, вполне достаточен для выигрыша и самой серьезной войны.)

Итак, советник, когда мы его прервали, говорил:

– ...Ровно половина того, что требуется. Мы с тобой пришли к мысли, что объем надо удвоить при помощи разбавителя. Вопрос в том – какого. Чтобы нас не обвинили в поставке некачественного товара или просто в жульничестве: цену ведь мы сбавлять не станем, верно?

– Это выглядело бы капитуляцией.

– Согласен. Теперь твоя очередь вносить предложения. Чем разбавляем? Ты строевик, тебе и карты в руки.

– Карты... Расклад не бог весть какой. Но все же некоторые возможности имеются.

– Жду с нетерпением.

– Первая: помимо пяти тысяч полностью строевых, у нас на подходе имеется тысяча полностью прошедших форматирование, но не поставленных в строй потому, что они еще не обсеялись. Мы можем смело включить их в объем, их качество ничуть не хуже. Но Министерство населения, безусловно, воспротивится: закон подобного не допускает, и они побоятся, что такой ход станет прецедентом, что приведет к уменьшению этнически активного населения, а это, в свою очередь...

– Понятно, можешь не объяснять.

– Хорошо. Ты можешь как-то повлиять на них?

– В принципе – скорее да, но не в нашем случае. Просто потому, что на это потребуется куча времени, они же жуткие бюрократы и формалисты в этом министерстве, и нужна многоходовая комбинация, а нам надо все решить в два дня.

– Плохо.

– Я думаю, ничего страшного. Видишь ли, закон запрещает отчуждение неосеменившихся. То есть продажу. Потому что он существует еще с тех времен, когда мы действительно продавали солдат, невозвратно. Но теперь-то мы официально оформляем это иногда даже не как лизинг, но как сдачу в аренду на срок, с обязательным возвратом. Лизинг законом разрешается, а уж аренда на срок – тем более. До сих пор мы так не поступали, такой путь ничем не скомпрометирован, и он пройдет. Другое дело – что во второй раз подобная штука, скорее всего, не проскочит. Но мы живем сегодняшним днем.

– Светлая твоя голова. Браво.

– Спасибо. Но это – сколько ты сказал, всего тысяча?

– Считай, дотянем до двух: заберем выпускные курсы кадетских корпусов. Ребята уже почти взрослые и неплохо натасканные.

– Где взять еще три тысячи?

Генерал ответил не сразу:

– Варианты вообще-то есть. Ускорить очередной выпуск, поскольку у нас, к счастью, в год их производится два. Они, конечно, будут еще не полированными, товарное качество пониже, но в общем растворе кто это поймет? Если и всплывут какие-то недоработки, то уже только при их использовании – а там будет уже не до рекламаций. Как говорится – война все спишет.

– Их тоже сдадим по аренде. Не придется ни с кем согласовывать.

- Само собой.
- Сколько их наберется?
- Один выпуск из двух, то есть полторы тысячи.
- Уже легче. Но светит еще только в конце туннеля. Где взять недостающее, и так, чтобы никто не заподозрил?
- Где взять – скажу. А вот как – не знаю.
- Ну?
- Щит Редана. Первокласный товар, разве нет?
- Ты что! Войска обороны? Уменьшить сразу на... на сколько процентов? Напомни численность.
- Щит Редана – десять тысяч профессионалов. На какое-то время останется их семь с половиной, допустим. Но ведь на нас вроде бы никто нападать не собирается? У Редана репутация крепкого орешка – с давних времен, когда мы еще воевали сами.
- И все равно, Лиз, это как-то... даже мороз по коже. И к тому же, на такую акцию нужно разрешение даже не министра, а самого Главного Щитоносца. Думаешь, он даст такое? И кто осмелится войти к нему с таким предложением?
- Ты. Больше никому.
- Бред. Я что, самоубийца?
- Ничуть. Все зависит – да ты и сам прекрасно это понимаешь – от двух вещей. С чем войти и как сформулировать.
- Интересно. Какой же, по-твоему, может быть формулировка?
- Убойная. Тактические заатмосферные учения в обстановке, приближенной к боевой, совместно с силами передовых в военном отношении миров. Щит ведь – он и в космосе щит, верно?
- Ну, генерал!.. Сам придумал?
- Не у всех генералов – одна извилина. Сам. Вот только что сообразил. Раньше тоже боялся подумать. А вот подумал, и оказалось – ничего страшного. Дело в том, что... Вообще-то это наша армейская специфика, вам, людям гражданским, о ней знать не положено, так что ты уж будь любезен – никогда и никому во избежание крупных неприятностей и для меня, и для тебя тоже...
- Интересное предисловие. Ладно, торжественно обещаю. Что же это за секреты такие у вас существуют?
- Секрет простой. Эта самая четверть личного состава Щита на самом деле никакой роли в обороне не играет. Это только так считается. На деле же она строит, сеет и пашет. Не забудь, что оборона у нас на самоокупаемости. Самообеспечение войск – наше главное правило, наше кредо, если хочешь. Вот эту четверть и можно на какое-то время вывести из оборота без ущерба для безопасности. Главный щитоносец это знает. И если он лично заинтересуется...
- Ну-ну. Ладно, допустим. А с чем я могу к нему войти, чтобы он захотел меня выслушать?
- Ду, не играй в невинность. Сам прекрасно знаешь с чем.
- Интересно. Сколько, по-твоему, надо будет занести? И в какой форме? Наверное, столько, что даже от этой двойной продажи столько не выручить.
- Ну, не бабки же ты понесешь!
- А что еще можно?
- Генерал Берот усмехнулся.
- Можно и нужно исходить из того, что он завершает свой последний срок. Меньше чем через год ему придется уйти. И главное, чем он сейчас занят, – это подготовка мягкой посадки на предстоящую часть жизни. На своем нынешнем посту он привык к жизни безмятежной – в смысле и материального уровня, и безопасности, и влияния – словом, всего на свете. И, судя

по той информации, что утекает из Цитадели постоянно, он тревожится – потому что еще не найден такой вариант, который устроил бы его со всех точек зрения.

– Вот как. А я, значит, по-твоему, должен предложить ему нечто, что его бы устроило?

– Вот именно.

– Я бы это сделал с удовольствием – если бы такой вариант у меня был. Увы, ничего похожего.

– Это тебе так кажется. На самом деле он существует давно. Подсказать?

– Буду очень благодарен.

– Вот слушай. Года четыре тому назад – за абсолютную точность, правда, не ручаюсь – именно в вашем хозяйстве был сочинен доклад о необходимости передачи в частные руки того, что у нас называется государственной торговлей – то есть того дела, которым твоя комиссия, да и я тоже, занимаемся. С полным обоснованием, и экономическим, и политическим, и с выводом: реальный доход государства при этом возрастет чуть ли не на треть – поскольку этот документ предусматривал и налоговую реформу. Доклад открыто не публиковался, однако все, кто мог быть заинтересован, с ним так или иначе ознакомились. Пошла большая атака на хоровую капеллу...

Советник невольно ухмыльнулся: хоровой капеллой в политических и журналистских кругах именовался реданский парламент, хотя порой его называли еще и однокамерным оркестром.

– Но, – продолжал генерал, тоже усмехнувшись, – атака как-то очень быстро выдохлась, лоббисты умолкли, до внесения законопроекта дело так и не дошло. Да ты должен знать все это лучше меня! Неужели забыл?

Советник Ном покачал головой и тут же кивнул:

– Не забыл, никоим образом. Знаю от начала и до конца. Доклад-то я и сочинял. Однако, когда на самом верху его отвергли – неофициально, конечно, поскольку он официально и не существовал, – стало понятно, что лбом стенку не прошибешь. Если уж сам Главный отверг...

– Ну понятно, если уж Главный отверг... Он что, с тобой лично разговаривал?

– Нет, конечно. Я тогда только что был назначен, с чего бы он вдруг стал...

– Однако же ты на этом месте остался. А ведь по логике ты должен был сразу же слететь с какой-нибудь выразительной формулировкой. Он должен был тебя сразу же похоронить по первой категории. Твоя должность ведь в его личной номенклатуре. Отчего же ты уцелел? Кто-то за тебя заступился?

Советник пожал плечами:

– Верь или нет, но заступиться было некому. Я до сих пор удивляюсь, как получилось, что никаких последствий не возникло. Наворожил кто-нибудь, что ли? Знал бы кто, благодарил бы. Может, у вас, военных, знают?

– Что знают – не уверен, но предположения имеются. И достаточно правдоподобные.

– Жаль, времени у нас мало: с удовольствием послушал бы...

– И все-таки одну гипотезу оглашу. А заключается она в том, что на самом деле до Главного этот доклад вовсе и не дошел. И не только сам текст, но и никакого вообще упоминания о нем. Ближний круг не позволил. Там у них могучие фильтры стоят и постоянно действуют. А он ведь информацию только в этом кружке и черпает. Ты что думаешь: он эфир смотрит-слушает или в печать заглядывает?

– Нет, не думаю. Но все же...

– Так вот, из твоих предложений до него не дошло ни полслова. Поэтому он доклада не отвергал и к тебе никаких претензий не имел. Конечно, кружок не против был бы от тебя избавиться, но без его подписи нельзя, а если бы он вдруг поинтересовался – почему и за что, он ведь сам только что тебя утвердил, – то доклад мог и всплыть, но у них, видимо, были подозрения, что предложение его заинтересует, а вот их оно никак не устраивало. Почему? Да

потому, что сейчас поток денег, что течет отсюда, проходит через них. И они из него черпают – кто сколько может, но обиженным никто не остается. А перейди это в частные руки – возникни вместо твоей комиссии частная корпорация с эмиссией акций и всем прочим, с куда большей прозрачностью, чем сейчас, – им краны если и не наглухо закрыли бы, то, во всяком случае, струйки сделали бы куда потоньше. Правдоподобно звучит?

– Ну, как сказать... Тогда я в такое не поверил бы. А сейчас – легко.

– Вот тебе и ответ. Возьми этот свой доклад, он у тебя наверняка сохранился...

– Можешь быть уверен.

– И вот его-то и поднеси. С небольшим дополнением: что возглавить такую корпорацию не сможет никто на свете, кроме лично его. Опыт там, связи, авторитет, личные качества... Да не мне тебя учить. Чтобы он ясно увидел, куда лежит его путь после отставки. И что этот вариант сулит именно ему. Поскольку вся экономика Редана, как мы знаем, только на этой торговле и завязана. И думается мне, что такая мелочь, как временное откомандирование двух-трех тысяч солдат, к тому же не тех, что несут боевые дежурства, проскочит без малейшей задержки.

Государственный советник следующую, заключительную реплику подал не сразу. Видимо, мысленно проигрывал предложенную операцию, искал явные, а еще более – скрытые нестыковки и ловушки. Но, наверное, не нашел. Вздохнул. Передернул плечами, как перед прыжком в холодную воду. И, наконец, молвил:

– Сейчас свяжусь с Цитаделью. Буду просить приема на завтра по личному вопросу – он вообще-то любит разбираться в личных проблемах, ему нравится получать информацию о слабых местах людей, под ним работающих, а всякий личный вопрос – свидетельство такой слабости. Ну, завтра он не примет, а вот на послезавтра можно серьезно рассчитывать. Но надо еще подстраховаться.

– От чего?

– Ты же понимаешь: наши покупатели – люди взрослые и опытные. Они, само собой, сейчас в сильнейших подозрениях. Надо их успокоить.

– Присягнуть, что мы их не надуем, что ли? Не поверят.

– Ну, не так примитивно. Подумай: в чем они могут нас подозревать?

– Да в том, что мы и собираемся сделать: разбавить товар несортным материалом.

– Вот-вот. А откуда мы этот материал возьмем?

– Откуда мы можем взять? Призвать ветеранов, срочно выпустить младшие возрасты, в снаряжении все они будут выглядеть достаточно убедительно...

– Правильно. Что мы должны предпринять, чтобы немедленно поставить их под знамена?

– Разослать соответствующие распоряжения по Центрам, по магистралям ветеранских городов. Не фельдъегерями, конечно, а по связи, шифровками.

– Вот именно. Следовательно – что станут делать клиенты, чтобы раскрыть наши замыслы?

– Можно по-разному. Например, забросить разведчиков в Центры и городки, чтобы заметить всякое телодвижение там. Или – а скорее «и» – оседлать нашу связь. Но для этого им придется повозиться с шифрами, не так ли?

Советник Ду Ду Ном усмехнулся:

– Думаешь, у них нет наших шифров? Успокойся: есть. Так что читать наш обмен они будут без затруднений.

– Откуда такое уверенное предположение?

– Мы просто заблаговременно организовали утечку шифров. Неплохо, кстати, на этом заработали. Покупателей нашлось множество, и теперь все они страшно довольны: наш обмен для них – раскрытая книга.

– Что же – воспользуемся резервной шифросистемой?

– Ни в коем случае. Пусть читают на здоровье. Потому что распоряжения должны касаться только продолжения штатной деятельности. Никаких изменений в связи с предстоящей продажей. Пусть наши клиенты прочтут это и успокоятся.

– Прочтешь-то они прочтут, но вот поверят ли? Подумай реально. Наша производительность им, в общем, известна. Они прекрасно понимают, что мы должны выставить на продажу вдвое больше, чем были способны наработать после предыдущей продажи. И этот недостающий контингент мы должны же где-то взять!

– Вот мы и дадим им понять – откуда мы возьмем его.

– Сперва, если ты не против, дай понять это мне.

– Видишь ли, эта ситуация возникла в нашей торговой практике впервые. Но аналитики заранее предрекали ее возможность.

Задумались, и в результате слепили неплохую программу. Она работает уже четвертый год, запущена – на всякий случай – сразу после ее создания. Суть ее в том, что мы ведем регулярный радиообмен с совершенно секретной производственной базой под названием «Отрог», размещенной в горах и выполняющей лишь специальные заказы. Она прекрасно смотрится сверху. «Отрог» готовит столько же экстра-товара, сколько все остальные ЦОСы, вместе взятые. Но эти контингенты не выставляются на открытую продажу, а предназначаются для поставок по секретным соглашениям между Реданом и каким-либо из Больших миров. Грандов. Все это время «Отрогу» слали распоряжения, а оттуда приходили доклады, отчеты, заказы, требования – словом, нормальный информобмен. И те, кто нас прослушивает, никак не пройдут мимо того распоряжения, какое отправляется «Отрогу» как раз в эти минуты – все в той же системе шифров.

– Просто с ума сойти. И теперь...

– Теперь в этом распоряжении будет содержаться вот что: «Вследствие срочной и важнейшей необходимости вся ваша готовая продукция должна быть готова к немедленной поставке ее другим клиентам путем обычной торговой сделки. Срок – первый день декады». И подпись Щитоносца.

– Я не ребенок, Ду. И не верю в существование такой базы.

– Ты прав – такой базы нет в реальности. Но виртуально она существует вполне убедительно, и если бы ее поисками занялся серьезный разведчик, он без особого труда, пользуясь разными микроутечками информации, возникающими по временам во всех открытых источниках, установил бы и местонахождение «Отрога», и его мощность... Если наши клиенты хотят выяснить, откуда что возьмется, они без труда сделают это, прослушивая связь с «Отрогом». И сейчас твоя задача: усилить этот обмен так, чтобы клиенты заметили – и поверили. Хотя это – не главное твое дело. Кроме этой заботы, пока я буду соблазнять Главного Щитоносца, сделай тут все, чтобы к началу переговоров с клиентами все десять тысяч были уже в готовности к посадке на транспорты. В случае чего – ссылайся на меня таким образом: вызван на самый верх, понял – вызван, а не просто поехал, и именно для того, чтобы получить официальные разрешения на двойную продажу. А устно, мол, все уже решено.

– Склоняешь меня ко лжи, – усмехнулся генерал.

– Ничуть – только к военной хитрости. Когда наши увидят, сколько государство на этом деле наварило, – нам с тобой ордена повешают, да и не только этим поощрят. А вот если пойдет по Вселенной весть, что Редан не смог удовлетворить спрос покупателя, который, как известно, всегда прав...

– Не сомневайся, советник. Лети и действуй. Я медлить не собираюсь.

– Только не забудь защитные ширмы ЦОСов снять, когда начнется переброска пополнения в Центры.

– Обижаешь, приятель!

Глава 15. Темнота скрывает?

Нарин не успела даже вздрогнуть: падение с четырехметровой высоты занимает очень мало времени.

Но и за малое время могут произойти многие неприятности.

Удар о грунт. Острая боль. В ноге. В спине. Искры из глаз. Мгновенный страх. И невольно вырвавшийся стон. Позорный для хорошо тренированного человека.

Впрочем, все это уложилось в одну секунду. А дальше вступил в дело профессионализм.

Анализ: компилот был прав. Видимо, машина налетела на защитное поле. Накрывающее Центр. Не общепринятое. Такое, о каком мы не знаем. Теперь будем знать хотя бы, что такое существует. Подруге – вечная память: уничтожена. Значит, нормальной связи нет. Правда, остается еще аварийная. А главное – «Незримость», похоже, в целости. Видишь, не так-то все и страшно.

Состояние: владение телом? Так... Ох! Так. Нет, ничего. Сказалась тренированность: упала, словно кошка, не самым худшим образом. Переломов нет. Ушибы – не страшно. Четверть часа медитации – и о них можно будет забыть. Вот так-то, девушка. Обстановка? Темнота скрывает, это хорошо. Место оказалось, к счастью, безлюдным. Вдвойне хорошо.

План действий? В первую очередь надо...

Тут мысли нарушились.

Ошибка: совсем близко оказался человек. Откуда он взялся? Скорее всего, находился тут еще до аварии. Просто стоял. Сидел. Лежал. Так или иначе – был. То есть, мог слышать, нет – наверняка слышал звук падения. И, кажется, я еще и стонала? Какой позор!

Видимо, так и было. Потому что он идет сюда. Не куда-нибудь в сторону, а прямо ко мне. Уничтожить.

Глупости.

Нет. Постараться использовать. Как источник информации. И, возможно – как союзника в темную.

Использовать и уничтожить?

Решу, когда обстановка прояснится. Как отреагирует он на меня? Арестует – или... или?

Пока бежали эти мысли и соображения, руки действовали сами по себе. Они знали, что им делать. Освободиться от летного комбинезона. Вырыть ямку. Положить в нее комбинезон. Засыпать. Переползти на это место, накрыть его собой.

А вот теперь можно простонать еще раз. Как можно жалобнее. Ты – женщина, тебе больно и страшно. Нужна помощь. Мужчина, ты просто послан свыше. Пожалей меня и помоги!

(Если захочешь причинить мне зло – умрешь мгновенно. Ты ведь не полезешь в мои волосы, длинные, густые, в поисках оружия, правда? А между тем оно там. Но этого знать ты не должен. И не будешь.)

– О-о!.. – Ох как жалобно – самой становится себя жалко.

Он уже в трех шагах. Что, у него фонаря нет, что ли? Должен быть. Они же тут обязаны быть в полном снаряжении.

Луч света ударил. Нарин невольно зажмурилась.

Но все же успела заметить: а приглядный мужчина! Это приятно. И полезно.

Остановился, разинул рот. Деревня, женщин не видал?

Интересно, как я сейчас выгляжу? Боюсь, что не лучшим образом.

Постой, может ведь быть, что и правда не видал. Их режим...

О, господи! Опустился рядом со мной на колени. Слушай, а если он сейчас захочет?.. Правила рекомендуют в таких случаях не сопротивляться. Якобы, уступая мужчине, ты при-

обретаешь власть над ним. Интересно, сами они пробовали – приобретать власть таким образом? Бред собачий.

Сейчас ты должна выражать страх и покорность. Пусть почувствует себя хозяином положения.

Вооружен? По минимуму, как пока видно. Руки... Что у него, жар, что ли? Руки просто обжигают. Но это приятно.

– Вы упали? Споткнулись? Где у вас болит?

И голос нормальный. Даже приятный.

– Здесь? Здесь?

– Ой!

– Попробуйте встать. Я вам помогу...

Ну и объятия! Невольно вырывается:

– Вы меня переломите так!

– Простите. Нечаянно... Попробуйте опереться на эту ногу. Можете?

– Да... ох! Пойдите. Нет, ничего. Могу. А вот спина...

– Потерпите. Сейчас я отнесу вас в санчасть...

– Пожалуйста, не надо! Я не хочу в санчасть!

(Никаких официальных контактов!)

– Но надо же, чтобы вас осмотрели, приняли меры.

– Нет. Я чувствую: все нормально, просто ушибы. Час-другой отдохну – и буду в полном порядке.

– Вы что, хотите отдыхать здесь?

– А вы можете предложить что-то получше?

– Ну... например, у меня дома.

– В казарме?

– Почему вдруг? В моем домике.

Ага. Профессионал, унтер-офицер. Так. Источник информации?

– У вас дома? Нет!

– Чего вы так испугались?

– Ну... вы сами должны понимать, чего. Я вас совершенно не знаю, вы сильный мужчина...

Господи, он краснеет!

– Послушайте... как вас, кстати, зовут?

– Нарин.

Идиотка, идиотка, идиотка! Как ты позволила сорваться с языка настоящему имени? Рассудок отбило при падении? Расслабилась вдруг? Ты, мужиков на дух не переносящая, кобелиную их породу?

– Нарин... Слушайте, клянусь вам: никогда ничего такого не позволю себе – сделать что-то, неприятное вам. Я не... Я – военный, понимаете? И под моей крышей вы будете в полной безопасности! Правда, уровень комфорта у меня, конечно, не столичный, но... Вы ведь из столицы, верно? Вы не здешняя, все здешние женщины мне известны, их тут всего шесть на весь город.

– Из столицы, да... Простите, болит все сильнее. Мне не до комфорта.

«Не то еще учинит мне допрос прямо тут!»

– Значит, решено? Тогда идемте!

– Ой, что вы?! Я тяжелая.

– Кто вам это сказал – соврал. Или был совсем уж хлипким. Не бойтесь, тут недалеко.

А вовсе не плохо, когда тебя несет сильный такой парень. И пахнет он приятно. Начинаешь чувствовать себя маленькой девочкой, которой разведка и не снилась никогда...

- А я и не боюсь. Да что вы все время смотрите на меня? Под ноги надо глядеть!
 - Вам это неприятно?
 - Мне? Нет, почему же? Но я сейчас плохо выгляжу.
 - Прекрасно выглядите. Как никто на свете!
- Тигрица Небес, ну и приключение!

Глава 16

Не каждый пьет такой кофе

Пришлось потратить шесть с лишним часов, не говоря уже о других потерях, чтобы получить в Главной канцелярии желанное приглашение на завтра – на утренний кофе Верховного Щита. Это, впрочем, было заранее известно: люди на эту церемонию записывались самое малое за две недели, а то и за месяц, но три четверти записавшихся так никогда к кофейному столу и не попадали: сидевшие на формировании участников не зря получали свое жалованье. Государственный же советник Ду Ду Ном в этом списке, где что ни имя было, то светило в своей области, вообще не фигурировал. Не то чтобы ему не приходилось встречаться с хозяином Цитадели. Однако всегда лишь по вызову сверху, в присутственный день, а не свободный, и неизменно для отчета по конкретному вопросу. То есть для доклада, как это называется. А вот так, не в кабинете, а (как считалось) в частных апартаментах – ни разу. Это всегда риск: на какое настроение попадешь. Правда, нынешний Главный Щитоносец Редана считался умеренным, но это – с кем сравнивать. В истории их накопилось много всяких.

Тем не менее получить место за кофейным столом ему удалось. Скорее всего, тут сыграло роль не звание его – две Государственные звезды всего-то, – но занимаемое место. Неофициально оно котирировалось на целых две позиции выше, чем, скажем, пост министра финансов. Понятно почему: министр лишь распределяет деньги, а кто их добывает? Да Лизинговая комиссия, это любой ребенок знает, потому что Редан – мир экспорта, если бы не его продукция – на планете жрать было бы нечего, во всяком случае досыта не приходилось бы. А так – слава Главкому Вселенной, одним больше, другим меньше, но в среднем хватало всем. Главный добытчик – так называли Председателя комиссии. И если чувствовалось, что сидит он на своем месте уверенно, промахов больших не делает, то в высоком чиновничьем мире всегда были рады пойти ему навстречу.

Так что он – попал. Кофе двенадцати приглашенным (по какой-то древней традиции к столу допускалось именно столько) подавался действительно прекрасный, булочки к нему – свежайшие, но и только: сюда не наедаться шли. Хозяин за руку здоровался с каждым (и это уже было словно медаль получить), двадцать минут уходило на собственно кофе, потом – от сорока до полного часа – на личные разговоры с каждым: говори, с чем пришел, но уложись в пять минут, если затянешь – поставят на тебе черную метку на долгие времена. Большинство приходило, правда, чтобы о себе напомнить, с чем-нибудь поздравить или поделиться своей радостью с обожаемым хозяином; чем больше была радость, тем приятнее становилось и Главному Щитоносцу, поскольку он получал никак не менее половины. С серьезными делами сюда являлись редко.

А у Номы дело было – серьезней некуда. Поэтому он подождал, пока прочие одиннадцать сказали и сделали свое – сидел спокойно, смакуя кофе. Два раза перехватил мгновенные взгляды Хозяина, обращенные на него: Щит знал, что советник Ном – не паркетный шаркун, но человек дела. А когда все наконец представились, Хозяин, не утерпев, спросил все-таки:

– Ну, Ном, а ты чем порадуешь?

Встал, поклонился, как полагалось, и проговорил только:

– Вы, как весь мир знает, коллекционируете математические шутки и парадоксы. Мне попался очень забавный, и я позволил себе...

Подошел и положил перед хозяином конверт.

Главный Щитоносец нахмурился. Вскрыл конверт. Вынул маленький листок бумаги. Прочел. Через секунду улыбнулся – чтобы все поняли: действительно, шутка. Сложил, опустил в карман. Молвил:

- И правда, забавно. Вы нашли решение?
- Пытался. Но, похоже, моей логики не хватает. А вот вы на досуге...
- Какой у меня досуг, Ном! А впрочем... Ты сейчас занят?
- Я всегда в вашем распоряжении, Главный Щитonosец.
- У меня еще полчаса свободных. Если не возражаешь – поломаем головы совместно?
- Почту за честь.
- Тогда... Господа, благодарю вас за то, что навестили меня...
- Через минуту они остались вдвоем.
- Идем в кабинет.
- Как же это: четыре на два равны четырем? И каким четырем?
- Четырем триллионам баллов, правитель.
- Подробно.
- Советник объяснял ситуацию десять минут.

– Понял. Да, это решило бы многие наши проблемы. Но практически? Что для этого нужно?

Ном сказал, не задумываясь:

- Продать четверть внутренних сил. Формально – сдать в аренду. Это первое.
- Еще что-то?
- Приостановить закон о семени. Отобрать в консервацию. И отдать всех, кто уже прошел не только полировку, но и просто прошел курс обучения.
- Ном, тебе не страшно говорить такое?
- Правитель, никакой внешней угрозы нет...
- Я не о внешней говорю. О внутренней. Мои враги – здесь, не в Галактике. Если хоть что-нибудь всплывет – выборы дышат в затылок, и мне на них делать будет нечего. Со всех сторон накинута. Нет, советник, план твой хорош, но не для меня. Я намерен остаться еще самое малое на срок. А уж там посмотрим.

Правитель говорил все это с уверенностью, только глядел не на Ному, а куда-то мимо, в сторону. Да руки почему-то спрятал под стол. Советник же не отрывал взгляда от его лица, напрягаясь, и заставил все-таки хозяина встретиться взглядом с ним. Хотя ненадолго: повелитель почти сразу опустил глаза. Но успел понять выражение лица подчиненного: едва уловимую иронию. Вздыхнул:

– Конечно, кампания будет тяжелой. Но все же...

Не закончил фразы. Советник после крохотной паузы сказал:

- С деньгами можно любую кампанию выиграть, этому даже в школе учат.
- Да нет, – возразил Хозяин. – Теперь не учат.
- В мое время учили. А если мы эту операцию реализуем, хватит и на хозяйство, и на выборы. Кстати, кто-нибудь же вернется, так не бывало, чтобы все до единого... Но даже если рассмотреть худший вариант, то никакой безнадежности не вижу.
- Для тебя – конечно. А для меня? Уходить на пенсию? Не тот вроде бы возраст, да и нелегко мне будет после всего (Хозяин обвел рукой кабинет, но подразумевал, конечно, не только его) жить на мелочь. Позорно.
- Хозяин, – сказал советник Ном. – Не так давно составил я один доклад, думаю – не самый глупый. Наверное, до вас он не дошел. Я привез копию...
- Мне сейчас самое время доклады читать. О чем он был?
- О реорганизации государственной комиссии – моей – в акционерное общество.
- Смутно помню что-то такое. Там сплошные цифры были, кажется.
- Были цифры. Но вы представляете, что значит – возглавить такую корпорацию? Сейчас прибыль идет в казну, и ею распоряжаетесь вы. Но прибылей не так уж много...
- А в корпорации их больше станет?

– В десять раз. В сто!

– Откуда же?

– Наш мир беден, производить больше товара, чем сейчас, даже не тяжело, но просто невозможно. А что не произведено, того не продашь. Вы – государство – не можете перенести производство в какой-нибудь другой мир: воспримут как экспансию. Но вы – корпорация – можете: это всего лишь экономические связи. Договариваться придется не с властями других миров, а с такими же магнатами, а это уже совсем другая картина. Брать инвестиции. Расширяться галактически. На наш товар долго еще будет спрос.

– Ты сказал – я как корпорация?

– Президент компании. И, естественно, серьезный акционер. Вам всего только и нужно – создать закон о передаче комиссии в частные руки.

– У кого же хватит денег?

– У тех, кому вы позволите. У вас самого. И можете сразу уходить в отставку, не дожидаясь выборов.

– Ты что – думаешь, я тут так сильно разбогател?

– Возьмете кредит в «Реданском для внешней торговли банке».

– А у них откуда возьмутся?

– Если завтра мы сделки реализуем – завтра же и возьмутся. Но для этого надо уже сегодня начинать все: сводить все контингенты, формировать из них товарные единицы, готовить к погрузке... Множество дел.

– Посиди тихо, – сказал Хозяин медленно. – Я буду думать.

Советник замолчал. Что мог, он уже сказал, а судя по интонации Хозяина, похоже было, что на самом деле он уже все решил.

Глава 17

До месяца падающих камней еще далеко, но...

На завтра, на вольный день, во всех тридцати трех производственных Центрах Редана, как и во всех гарнизонах сил Щита, все было своевременно, аккуратно и толково расписано: кто отправляется в увольнение и куда, кто остается нести дежурство, кого направляют на внутренние работы, а также (это касалось лишь трудно обучающихся) на дополнительные занятия. Одним словом, предвольный день завершился, как и всегда, спокойно, можно даже сказать – весело.

И, что может показаться удивительным, по всей планете это происходило одновременно. Хотя, как известно, когда в одном полушарии, скажем, день, то в противоположном непременно будет ночь, а левее – утро, правее же наверняка стоит вечер.

Но удивляться этому могут лишь те, кто не знаком с особенностями географии мира Редан. Главная из них заключается в том, что вся жизнь на планете (безусловно, не самой удобной в Галактике, однако удобных на всех никогда не хватает – закон жизни) сосредоточена в одном лишь районе. Это единственная, по сути дела, равнина на этой планете, протяженная по линии север – юг на девяносто градусов, а с востока на запад – менее чем на два часовых пояса, то есть представляет собой сильно вытянутый овал, ограниченный обширными горными странами. Наверное, рано или поздно возьмутся за их освоение, как и располагающихся далее громадных болотистых стран, где обитают одни лишь членистоногие – зато какие! Но это будет скорее поздно, чем рано; сейчас нет ни сил, ни средств на такие проекты, а главное – нет надобности. Равнина заселена достаточно плотно, рождаемость можно назвать высокой, однако перенаселение Редану не грозит – во всяком случае, до тех пор, пока кому-то не придет в голову изменить характер экономики этого мира. Но этого не произойдет, мы уверены, никогда.

Вот почему на Редане существует лишь одно время, и все, что происходит, совершается синхронно.

Одновременно везде прозвучал и общий, как полагается, сигнал – когда наступил его час. Люди ждали сигнала и готовились к нему, чтобы наконец завершить уходящий день и отдохнуть перед многими приятностями наступающего.

Но звуки, прилетевшие из главного города и раскатившиеся не только в любом здании и помещении Центров образования и в каждой казарме и офицерском доме войск Щита, что было бы обычным, но и на учебных полях и полигонах, и в совершавших очередной учебный поход частях, оказались совсем не теми. Они были сейчас настолько неуместны, что в первые секунды им просто не поверили. Кто-то заржал, кто-то проворчал: «Не иначе как перебрали...», кто-то просто pokrutil пальцем у виска...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.